

IT KOPHEB

HE AETA A
TOM?

Павел Николаевич Корнев

Нелегал. Том 2

Серия «Резонанс», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70244713

Аннотация

Преодолен двадцатилетний рубеж, осталась позади половина третьего курса. Всё идёт по накатанной: учёба, работа, развитие сверхспособностей. Всё хорошо, всё – в полном соответствии с установленными самому себе приоритетами.

Только вот ты живёшь не в вакууме, а у социума свои законы, и сотрудничество с иными... структурами может стать как трамплином в светлое будущее, так и камнем на шее, способным утянуть на самое дно. Но сомнения неуместны – по этому пути придётся пройти до самого конца. И дело уже не в каких-то принципах и приоритетах, просто... по-другому нельзя.

Содержание

Часть первая: Операция	4
Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	77
Глава 4	120
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Павел Корнев

Нелегал. Том 2

Часть первая: Операция

Глава 1

Новый год – это мороз, снег, наряженные ёлки, подарки.

Новый год на Кордоне совсем другой. Вместо трескучих морозов – промозглое межсезонье с редкими потеплениями, когда воздух прогревается едва ли не до летних температур, вместо снега – то пыль, то грязь, а ёлки я разве что вдоль обочин трассы на Эпицентр лицезрел, да и то сосны там попадались куда как чаще. И никто их не наряжал, никаких стеклянных шаров и гирлянд, одни только шишки.

Подарки? Что есть, то есть – без подарков не обошлось. Леонид презентовал литровую бутылку настоянного на травах медицинского спирта. Литр – это мне с собой, на пробу аспирант налил из своих запасов.

– По двадцать капель, исключительно для пищеварения! – объявил он и убрал ёмкость с настойкой в шкаф; цветом содержимого та от бутылка с зелёной нисколько не отличалась, исключительно размерами.

Я с опаской поглядел на мензурку, но после поездки к Эпицентру чертовски болела голова, так что отмёл сомнения и опрокинул её содержимое в рот. Удивительное дело, но настойка не только не обожгла слизистую, но, такое впечатление, всё внутри заморозила.

И это при семидесятипроцентной крепости!

– Здорово, да? – подмигнул Леонид, который не так давно вновь пошёл на повышение и возглавил направление по диагностике соискателей. – Два года, между прочим, травки подбирал! Некоторые настаиваю, из других сначала вытяжки делаю. Целая технология!

– Отличная штука! – похвалил я угощение, передвинул к себе поднос и снял закрывавшую тарелки салфетку.

Большим начальником, которому приносят в кабинет персональный завтрак, я покуда ещё не сделался, но на поход в столовую сегодня банально не осталось времени, вот Леонид и задействовал административный ресурс.

– По пять капель для пищеварения? – предложил он в конце трапезы и достал из застеклённого шкафа бутылку на сей раз с настойкой янтарного цвета. – У меня замечательный дижестив получился!

Я вытянул за цепочку карманные часы, отщёлкнул крышку и кивнул.

– Наливай!

Дижестив впечатлил даже больше аперитива, но увлекаться выпивкой мы не стали – всё же я не с дружеским визитом

сюда прикатил, а по делу. Нам ещё работу работать.

Задребезжал телефонный аппарат. Леонид снял трубку, выслушал сообщение и сказал:

– Принял. – Вернул трубку на рычажки и пояснил: – С пропускнуго на въезде отзвонились – сейчас пожалуют.

– И как наши заокеанские гости? Никто не спёкся?

– Как ни странно – нет, – хмыкнул Леонид. – А материал и вправду сильно так себе. С истёкшим сроком годности. Намучаемся ещё с ними.

Увы и ах, но все прибывшие из Соединённых Общин соискатели успели перешагнуть двадцатилетний рубеж, в силу чего самым категорическим образом пропустили оптимальный по меркам РИИФС возраст для инициации.

– Будем работать с тем, что есть, – спокойно сказал я и покачал головой, когда Леонид задумчиво взвесил в руке бутыл с настойкой. – Не стоит.

– Не стоит, – согласился тот после едва уловимой паузы и убрал ёмкость в шкаф.

– Тебе бы Васю к себе перевести, – улыбнулся я. – Он в Новинск за компанию с Семёном сдёрнул, а теперь совсем от скуки зачах. Такими темпами скоро в одиночку за воротник закладывать начнёт.

Леонид нервно отмахнулся.

– Думаешь я его обратно не звал, да? Да у меня даже ставка под него есть вакантная! Только Вася и слушать ничего об этом не хочет! Вася – гордый!

– Гордый, – был вынужден согласиться я.

Вновь зазвонил телефон, Леонид обменялся с собеседником на другом конце провода парой фраз и указал на дверь.

– Идём, они уже здесь.

Мы спустились на первый этаж, но там обнаружили только отечественные соискатели, да ещё через открытые окна долетали со двора отголоски раздражённых голосов.

– Ну что ещё опять? – страдальчески простонал Леонид и вышел на улицу.

Я последовал за ним и обнаружил, что у пропускного пункта ожесточённо спорят представитель комиссариата иностранных дел и начальник караула. Леонид незамедлительно присоединился к ним, ну а я встал на крыльце и воспользовался случаем приглядеться к своим новым подопечным, благо многие из них выбрались из замершего перед опущенным шлагбаумом автобуса, разминали ноги и курили.

Были они... разными, но при этом все до одного показались мне спортивными и подтянутыми. Как явствовало из поступившей нам заявки, в первую партию соискателей включили молодых людей от двадцати до двадцати пяти лет, были это сотрудники частного детективного агентства, работавшего на правительство Соединённых Общин.

– Петя! – окликнул вдруг меня Леонид и махнул рукой. – Подойди!

Я вздохнул, снял коверкотовую кепку, несколько раз об-

махнул ею лицо и сбежал с крыльца, зашагал через двор.

– Ну?

– С оружием не положено! – объявил начальник караула. – Пока письменного приказа не будет, не пропущу!

Краснолицый молодой человек из РКЖД аж глаза выпучил.

– Скандал! Непоправимый скандал! – выдал он и веско добавил: – Международного масштаба!

Старшина только плечами пожал.

– Все вопросы к руководству. Будет приказ – пропущу. Не будет – не пропущу.

– Но у них оформлены разрешения на ношение оружия! – возмутился краснолицый. – Я сам занимался выправлением всех бумаг!

– У нас особо охраняемая территория!

Леонид требовательно взглянул на меня, не дождался никакой реакции и страдальчески вздохнул.

– Разве нельзя принять оружие на временное хранение? – предложил он, как ему показалось, компромиссный вариант, но начальник караула, конечно же, брать на себя ответственность за чужие материальные ценности не пожелал.

– У меня нет таких полномочий! – отрезал старшина.

Представителя комиссариата иностранных дел это заявление возмутило до глубины души, и поскольку мы уже и так выбились из графика, а мне сегодня ещё предстояло возвращаться в Новинск, пришлось напомнить ему:

– Их и в общежитие с оружием не заселят. Нет там оружейной комнаты, просто нет.

– А вы, собственно, кто? – набычился краснолицый.

– Пётр Линь, ассистент доцента Звонаря.

– И какой выход вы предлагаете?

Я пожал плечами.

– Оружие им до окончания обучения в любом случае не понадобится. Предлагаю изъять и сдать на хранение в комендатуру.

– Скандал! Международный скандал!

– Да бросьте! – усмехнулся я. – Обычная практика. Леонид, госпиталь мешки и пломбы выделит?

– Выделит, – быстро кивнул тот.

Представитель РКИД шумно вздохнул и указал на заокеанских соискателей.

– И кто им это всё разъяснит?

– Что значит – кто? – удивился я. – А переводчик ваш где?

– Спёкся.

– Ну ладно, а сами вы?..

Молодой человек лишь развёл руками, и этот красноречивый жест меня несколько не порадовал. Увы, деваться было некуда, я отошёл от пропускного пункта и поднял над головой руку, привлекая к себе внимание иностранцев.

– Господа! Кто у вас старший? Директор! Шеф! Босс!

Вроде бы меня даже поняли. Подошёл плечистый молодой человек в щегольском костюме и чуть сдвинутой набе-

крень шляпе, протараторил что-то по-айлийски. Я не разобрал ни единого слова и попросил повторить медленней, тогда худо-бедно удалось преодолеть языковой барьер. Требование сдать оружие заокеанских гостей в восторг ожидаемо не привело, но всё же это были работники частного агентства, а не сотрудники Бюро расследований или служащие Госдепартамента – пусть и не сразу, но мы согласовали детали и ударили по рукам.

Леонид принёс несколько мешков и пломбир, чиновник комиссариата иностранных дел занялся составлением описи, а старшина взялся принимать у соискателей кастеты, выкидные ножи и огнестрельное оружие. Те самостоятельно разряжали пистолеты и револьверы, начальнику караула оставалось лишь проверять их и передавать подчинённому, который закреплял проволочками бумажные ярлыки.

Контролировал процесс разоружения прикреплённый к вохровцам аналитик, а на мою долю выпало урегулирование изредка возникавших случаев недопонимания. Словарного запаса катастрофически не хватало, я взмок и сто раз успел пожалеть, что опрокинул за обедом пару рюмок. Казалось бы – всего-то сорок грамм настойки на грудь принял, а ясность мысли уже не та, ещё и приступ косноязычия одолел. Едва ли не на пальцах изъясняться приходилось.

На оружие я особого внимания не обращал, лишь в самом конце заинтересовался курносый револьвером, когда заметил очень уж длинные патроны к нему.

– Какой калибр? – поинтересовался я у владельца.

В ответ прозвучало «магнум» и «три – пятьдесят семь», пришлось глянуть на донце гильзы. Калибр оказался триста пятьдесят седьмой – как понял, обозначали эти цифры тысячные доли дюйма. Я взвесил револьвер в руке и справился об энергии пули. Хитроватого вида молодой человек сдвинул на затылок кепку и озадаченно поскрёб лоб, но всё же сумел ответить. Тогда уже пришла моя очередь недоумённо хмуриться.

По способности прошивать кинетические экраны револьвер не уступал нашим ТТ. И это – револьвер! Не оторвёт пальцы, если вдруг патроны из-за энергетического воздействия сдетонируют!

Я поцокал языком и уточнил:

– Служебный?

Типчик покачал головой.

– Личный, – сказал он, потянул носом воздух и в свою очередь что-то спросил.

Не будь я наслышан о кое-каких реалиях заокеанской жизни, вопроса бы точно не понял, а так угадал его смысл и кивнул.

– Сухой закон, да, – подтвердил я и положил револьвер на стол, но молодой человек меня придержал.

– Купи, – указал он на оружие.

– Сколько? – справился я о цене, хоть и следовало бы для начала разыграть неуверенность.

Соискатель назвал цену в долларах; я для удобства подсчётов скинул с курса тридцать копеек и просто умножил озвученную цифру на пять, но даже так результат заставил досадливо поморщиться.

Дорого, зараза!

Иностранец всё верно угадал по моему лицу, чуть подался вперёд и негромко, но предельно чётко произнёс:

– Водка!

Я смерил его пристальным взглядом, попросил:

– Один момент! – и убежал со двора.

Леонид занимался распределением по врачам тех, кто уже сдал оружие, я перехватил его в вестибюле и спросил:

– У соискателей есть прямые противопоказания к употреблению алкоголя?

– Да нет, просто не нужно им это. Молодые же, пить не умеют!

– Да не о наших оболтусгах речь! Ты скажи: с препаратами алкоголь нормально сочетается?

– Да какие там препараты? – фыркнул Леонид. – До инициации всех самое большее травяными настоями поить будут. Даже кузнечики пока противопоказаны. – Но он тут же насторожился. – Постой! Ты же не собираешься спаивать иностранцев?!

– Просто хлебосольство проявлю, – улыбнулся я. – Вот что... Выдели мне литр спирта медицинского, пожалуйста. И заявку на списание подготовь. Я позже у Звонаря её под-

пишу.

У Леонида глаза на лоб полезли.

– Петя, ты с дуба рухнул?

– А что такого? У них там сухой закон за океаном, и то они выпивать умудряются! У нас и подавно спиртное найдут.

Леонид покачал головой.

– Не аргумент!

Я тяжело вздохнул.

– Лёня, поверь на слово: так надо. Не заставляй меня через Звоняря этот вопрос решать – он всё согласует, но я его сейчас дольше искать буду! И насчёт списания не сомневайся: сегодня до отъезда все бумаги оформлю.

– Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь? Это же нарушение режима!

– Да брось! Я сам всё сделаю, тебя с этим литром никто не свяжет. Его просто спишут. Хочешь – в другую тару перелей! Ты пойми: мне с людьми как-то контакт налаживать надо! Вот случится что – сам же и попросишь на них повлиять! А как я повлияю, скажи? Знаешь же эту публику: ты – мне, я – тебе, иначе с ними никак!

Леонид вздохнул.

– Один литр. Один раз. И больше я не хочу ничего об этом слышать!

Я решил ковать железо пока горячо и потянул его к лестнице.

– Пошли, пошли, пошли! Не тормози процесс междуна-

родного общения!

За литр медицинского спирта я содрал с заокеанского соискателя четвертной – взял как за две бутылки хорошей водки в ресторане. Ещё и на револьвер скидку выбил и две пачки патронов к нему дополнительно получил, но пришлось пойти на уступки и самому: за время моего отсутствия ушлый тип успел подбить на продажу оружия ещё и своего товарища. Отказываться от второго револьвера я не стал, незаметно передал соискателю убранный в бумажный пакет ёмкость со спиртом и уже в открытую вручил деньги, а за второй пообещал расплатиться до конца недели в свой следующий приезд на Кордон.

Впрочем, одной лишь устной договорённостью дело не ограничилось: я набросал обязательство об окончательном расчёте, а мои контрагенты поставили свои автографы под актами о передаче оружия. Старшина начал было отнекиваться, но в итоге всё же согласился заверить купчую, чтобы при регистрации револьверов мне не пришлось ничего доказывать в комендатуре.

Ну а дальше прибежала медсестра, и я отправился разбираться с очередным случаем недопонимания. Следующие четыре часа бегал от кабинета к кабинету, то и дело поминая недобрым словом спёкшегося по дороге на Кордон переводчика. Потом ещё и расселение иностранцев проконтролировал, будто это имело хоть какое-то отношение к моим слу-

жебным обязанностям.

Ладно хоть затем деятель из комиссариата иностранных дел привёз нового толмача, и я с превеликим облегчением откланялся. Сначала заскочил в комендатуру и зарегистрировал на себя оба револьвера, потом двинулся в госпиталь, но по пути завернул пообедать в кафешку, заодно бегло просмотрел купленную ещё утром в Новинске газету.

Внимание сразу привлекла передовица – речь в ней шла о задержании оперативниками РКВД заместителя начальника Пограничного корпуса, которому инкриминировались государственная измена и сотрудничество с айлийской разведкой. Журналист весьма убедительно связывал его подрывную деятельность с неудачами в охране государственных рубежей при вторжении нихонского оккупационного корпуса и прорыве к столице интервентов. Процесс обещал выдаться громким.

В остальном же ничего из ряда вон за первую неделю нового тысяча девятьсот сорок первого года не случилось. Продолжался рост напряжённости в Центральной и Восточной Латоне, демонстрировала свою полную несостоятельность Лига Наций, грозили возобновиться боевые действия на линии разделения между Средином и Оксоном.

Вернув газету в портфель, я допил чай, нахлобучил кепку и отправился на беседу со Звонарём, дабы перед отъездом в Новинск доложить о предварительных итогах обследования иностранных соискателей, а заодно согласовать расход

спирта. Проблем не ожидал ни с тем, ни с другим – главное было застать патрона на месте, ибо куковать до позднего вечера на Кордоне мне совершенно не улыбалось.

Не могу сказать, будто испытывал такой уж сильный дискомфорт от излишней близости к Эпицентру, просто выматывало подспудное ощущение неправильности. Вот сейчас прохладный ветерок всего так и обдувает, а такое впечатление, будто у раскалённой домны стою – аж лицо испариной покрылось, пусть и спокойно иду, никуда не тороплюсь.

Надоело хуже горькой редьки!

Как нарочно доцент Звонарь до конца дня убыл на какое-то совещание в новую больницу. Я мысленно ругнулся, вышел на улицу и потопал на западную окраину. Холодный ветер нёс по улицам пыль, приходилось то и дело отплёвываться, но и так на зубах беспрестанно скрипел песок. Ещё и солнце к закату клониться начало – значит, опять в потёмках в Новинск возвращаться придётся. Не люблю.

Когда подошёл к больнице, на огороженном высоким забором дворе рядком выстроились запылённые легковые автомобили, чуть в стороне от них стояли четыре автобуса, рядом толпились юноши и барышни, доставленные на Кордон для прохождения медосмотра. Первые ласточки, на которых станут обкатываться рекомендации по оптимальной подготовке соискателей к инициации, выработанные Рашидом Рашидовичем под мудрым руководством Макара Демидовича.

Ах, да! Совсем забыл! Ещё при участии Михаила Проко-

пьевича.

Остальных, и меня в том числе, на титульном листе методических указаний обозначили ёмким словом «прочие».

Да и наплевать! Честно говоря, в итоговом варианте от наших первоначальных разработок остались только рожки да ножки. Мы просто заложили базис, обосновав концепцию нового подхода, не более того. Опять же учёный совет посчитал более перспективным проект доцента Паука, а наш занял лишь второе место. Из двух. По объективным причинам инициативу покойного Резника на рассмотрение выносить не стали, её взяли в разработку специалисты совсем другого профиля.

Шагая через двор, я с интересом поглядывал на симпатичных девиц, а вот на толпившуюся у одного из автобусов группу молодёжи обратил внимание, лишь когда там вспыхнула ожесточённая перебранка и кто-то пронзительно завизжал. Тогда остановился, оглянулся, переложил в левую руку портфель.

Ссоры и даже потасовки между соискателями случались с завидной регулярностью, при иных обстоятельствах я бы прошёл мимо, предоставив разбираться с нарушителями режима старостам, но сейчас безобразничать взялись молодчики, с первого взгляда отнесённые мной к уроженцам Казанских гор: все как один черноволосые, горбоносые и в национальных нарядах, тут ошибиться сложно. Статный крепыш удерживал за талию пытавшуюся освободиться барыш-

ню, трое его подпевал толчками пихали друг к другу, надо понимать, попытавшегося вступить за девчонку паренька, а остальные соискатели наблюдали за всем этим безобразием с безопасного расстояния и лишь словесно порицали хулиганов.

– Отставить! – рыкнул я.

Сработало. Молодчики враз позабыли о парнишке и нацелилась на меня. Двое разошлись в разные стороны, явно привычно беря в клещи, третий подступил и, не говоря ни слова, толкнул в грудь. Точнее – толкнуть попытался. Я перехватил жилистое запястье, резко отклонился назад, крутанулся, и хулиган проскочил мимо, чтобы тут же споткнуться о выставленную подельником ногу и растянуться на земле.

Как говорится, не рой другому яму!

Его дружочки ринулись на меня с кулаками, и тут уж я миндальничать не стал: сбил рывок ближайшего пинком под колено, ребром ладони по шее отправил его в нокаут и сразу качнулся в сторону, уходя от броска второго крепыша. Совсем позабыв о револьверах, наотмашь врезал портфелем ему по лицу, и – лязгнуло! Голова бедолаги мотнулась, он рухнул навзничь как подрубленное дерево, даже не пискнул. К этому времени первый из троицы буянов уже вскочил на ноги, пришлось чуть ускориться и пробить ему в печень, подсесть ноги и уронить обратно.

Заводила тут же оттолкнул от себя девицу и обнажил кинжал, я развернулся к нему и потребовал:

– Убери!

Не тут-то было. Черноволосый красавчик попёр буром, ещё и выкрикнул, будто нарочно распаяясь:

– Я – князь Туманский! Я тэба зарэжу!

– Брось, дурик! – усмехнулся я, заранее зная, что голосу разума этот напыщенный болван не внемлет. Так оно и вышло.

Выпад князька, несмотря на всю свою предсказуемость, оказался резким и быстрым, кого другого он бы точно пырнул, но я уже успел втянуть в себя изрядное количество сверхсилы, поэтому не только подстегнул скорость реакции, но и задействовал технику закрытой руки. Стиснул хищный клинок в ладони и вырвал его, а красавчика заставил отшатнуться небрежным тычком портфеля.

– Брысь, убогий!

За спиной послышались быстрые шаги, кто-то визгливо крикнул:

– Что здесь происходит?!

Выпустить из поля зрения своего оппонента я не рискнул, ответил, не оборачиваясь:

– Злостное хулиганство здесь происходит. Нешто сами не видите?

– Ваше сиятельство! С вами всё в порядке?!

Мимо проскочил молодой человек, начал что-то сбивчиво говорить ошалело хлопавшему глазами князьку, потом обернулся и заорал:

– Да что вы стоите? Арестуйте его немедленно!

Окрик этот действия не возымел. Мало того, что соискатели бросились наперебой рассказывать о подоплёке случившегося прибежавшим на шум вохровцам, так ещё и караульным моя личность была прекрасно известна.

– Ну? – хмуро глянул я на них и поднял руку с кинжалом. – И почему у вас вооружённый человек на территории?

– Отдай! – выкрикнул князёк и вроде как даже подался ко мне, но молодой человек его удержал.

– Этот клинок – фамильная реликвия его сиятельства! – объявил он. – И я, как консультант Общества изучения сверхэнергии, требую его незамедлительного возвращения законному владельцу!

– И у гражданина, – намеренно сделал я упор на этом слове, – Туманского имеется разрешение на ношение холодного оружия?

– Это не ваше дело!

– Не моё, – согласился я, рукоятью вперёд протянул кинжал начальнику караула и сказал: – Звони в комендатуру, пусть оформляют изъятие.

Молодой человек в ответ пригрозил пожаловаться директору, прапорщик предложил продолжить разговор в караулке. Так мы и поступили, но разговора не случилось. Не успели ещё вохровцы увести троицу джигитов для оказания им медицинской помощи, как опекавший князька консультант принялся названивать своему руководству. Мне оказаться

крайним нисколько не хотелось, поэтому вернулся во двор, составил перечень свидетелей и опросил потерпевших, после чего уже сам воспользовался телефонным аппаратом и вызвал патруль. Затем взялся писать рапорт.

Первым в больницу прикатил заместитель начальника особого отдела Общества изучения сверхэнергии. Весь какой-то прилизанный господин сразу вернул князьку его драгоценный кинжал, после чего рассыпался в извинениях и пообещал незамедлительно уладить сей досадный инцидент. Туманского со всем почтением препроводили на выход, а вот консультанту пришлось задержаться.

– Что же ты, Серёженька, творишь, паразит? – прошипел ему на ухо враз растерявший всё своё подобострастие особист. – Ты на кой чёрт этого павлина сюда привёз?

Молодой человек явственно побледнел, ответил, слегка заикаясь:

– Но князь пожелал увидеться с родичами...

– Ты князю служишь или республике? – надавил на него представитель особого отдела, ухватив за лацкан пиджака. – Почему он тобой вертит, если это ты его направлять должен?

– Но не запрещать же ему общение с родственниками?!

– Да какие они ему родственники? Слуги они ему! И твоя первоочередная задача отсечь князя от прежнего окружения, ввести его в новый прогрессивный круг общения! Иди работай!

Молодой человек бросился вдогонку за подопечным,

а особист поправил чуть сдвинувшийся в сторону узел галстука и зло бросил вслед:

– Бестолочь!

Судьба троицы джигитов его нисколько не заботила – когда прибыл дознаватель комендатуры, особист лишь рекомендовал раскидать парней по разным отрядам, после чего откланялся. Ну а я остался давать показания и дожидаться составления протокола об административном правонарушении. Не моём, разумеется, а детей гор. Ладно хоть ещё в силу очевидности случившегося обошлось без очных ставок и проведения всяческих следственных экспериментов. Подписал все бумажки и отправился восвояси. Точнее – к доценту Звонарю.

Обретался он здесь по соседству с главврачом, у них даже приёмная общая была, и сейчас в ней оживлённо переговаривались несколько весьма солидных на вид мужчин. Все они смолили папиросы, под потолком витали сизые клубы дыма. Ни на медиков, ни на пусть даже и высокопоставленных научных сотрудников эти товарищи нисколько не походили – создалось впечатление, что в больницу заявилась с проверкой чиновничья братия.

Когда секретарша в ответ на мой вопросительный жест в сторону кабинета Звонаря отрицательно покачала головой, я окончательно в этом своём предположении уверился и опустился на стул для посетителей, где и просидел никак не менее получаса. За окном уже окончательно стемнело, когда

от Макара Демидовича вышел главврач и смутно знакомый господин – плотный, но отнюдь не грузный. Толком при-смотреться к тому не вышло: выглянувший в приёмную Звонарь заметил меня и поманил к себе в кабинет.

Там оказалось накурено, на столе красовалась початая бутылка дорогого коньяка, на тумбочке стоял поднос с десятком фужеров – чистых и с остатками напитков.

– Жалуются на тебя, Петенька! – объявил Макар Демидович, показавшийся если и не подвыпившим, то определённо слегка нетрезвым.

– Из Общества звонили? – усмехнулся я. – Не особысты хоть?

– Не особысты. Заместитель по воспитательной работе.

– Я их слушателя и пальцем не тронул, только обезоружил. А его родственнички сами напросились. Да и в Обществе они не состоят. Я уже рапорт куда следует подал.

Звонарь глянул в ответ остро и совершенно трезво, ещё и спросил с подковыркой:

– А к грубой физической силе ты был вынужден прибегнуть, потому что...

– Сверхъестественное воздействие могло повлиять на состояние внутренней энергетики соискателей, – без заминки ответил я.

– Соображаешь! – похвалил меня доцент, взвесил в руке бутылку коньяка и с тяжёлым вздохом переставил её на поднос. – Ничего-ничего! Теперь злее будут. Сами князьку сво-

ему голову отрежут, если тот в ногу со временем идти не пожелает. Работа с иностранными соискателями предполагается системной и всеобъемлющей.

– К слову, об иностранных соискателях!

Я доложил о проведении предварительного обследования наших заокеанских гостей, заодно попросил согласовать расход медицинского спирта. Сразу и бумажку из портфеля на подпись выложил.

– Первый и последний раз, – предупредил Звонарь, скручивая с авторучки колпачок.

– Макар Демидович! – возмутился я. – Мне с ними ещё работать и работать! Городец вас предупреждал же!

– Работа работой, а хищение хищением! – буркнул в ответ доцент. – Против снабжения твоих подопечных алкоголем... В разумных пределах, разумеется! Я в принципе не возражаю. Но через кассу!

Я озадаченно хмыкнул.

– И как расход спирта с его оплатой увязать? Кто документы в бухгалтерию готовить будет?

– Ньюру попрошу, – успокоил меня Макар Демидович и распахнул окно, запуская в комнату свежий воздух. – Ладно, что о своих подопечных скажешь? Староваты они, так?

Мы обсудили неизбежные проблемы инициирования возрастных соискателей с учётом предварительных итогов обследования, и Звонарь поручил мне к следующему заседанию рабочей группы подготовить соответствующие реко-

мендации, а я в свою очередь указал на бутылку коньяка и уточнил:

– Проверяющие нагрянули?

– Да нет! – усмехнулся дышавший свежим воздухом Макар Демидович. – Тузы в программу детишек пристраивают.

– А смысл? – удивился я. – В общем порядке заявку подать что мешает?

– У людей образ действий такой, всё через личные контакты решают. Да и хлопочут о зачислении не в институт, а в Общество изучения сверхэнергии. Туда не так-то и просто попасть, обидно будет, если из-за медотвода все усилия втуне канут.

– Против физиологии не попрёшь, – хмыкнул я.

Звонарь покачал головой.

– Провести коррекцию при индивидуальном подходе куда проще, нежели в общем потоке. Ну да это тема другого разговора. Как отдохнул?

– С семьёй повидаться ездил.

С боем выбитый недельный отпуск я провёл в Зимске, куда в конце года перебрались родные. Убедить папу с мамой на столь кардинальные изменения в жизни удалось исключительно благодаря содействию Георгия Ивановича, который предложил отцу вакантную на тот момент должность заместителя начальника отдела спецсвязи при тамошнем главпочтамте.

– Это дело! – похвалил меня Звонарь. – У тебя ведь брат

в возраст вошёл? Об инициации не думали?

Я покачал головой.

– Результаты обследования у него не ахти. Да и сам инженером стать хочет.

– Передумает – обращайся. Отправим на коррекцию.

– Спасибо!

На этом наше общение и подошло к концу. Макар Демидович тяжело вздохнул и несколько раз, будто бы на пробу, растянул губы в улыбке, потом с обречённым вздохом пояснил:

– Нужные люди!

Я попрощался с ним и двинулся на выход, немного даже озадаченный статусом посетивших патрона гостей, если уж с ними вынужден считаться подполковник корпуса и глава Службы реабилитации, курирующий направление подготовки соискателей. Вот уж действительно – тузы! Но всё же не республиканского масштаба – те бы напрямую на ректора или главу ОНКОР вышли. Как ни крути, Общество изучения сверхэнергии теперь всего лишь филиал РИИФС – пусть и привилегированный, но филиал.

Задумчивость сыграла злую шутку. Слишком ушёл в себя и никак не отреагировал, когда уже на крыльце кто-то вдруг повис на плече. Я даже дёрнуться не успел, как звонкий девичий голос прокричал прямо в ухо:

– А вот и вы!

Каюсь – вздрогнул. Но сразу опомнился и попытался от-

страниться от вцепившейся в руку барышни, только без толку.

– Вы мой герой! – затараторила та, будто невзначай прижавшись к моему локтю крепкой и при этом отнюдь не маленькой грудью. – Как вы этих абреков раскидали! Я в восхищении!

Выдёргивать руку я не стал, постеснявшись показаться невежливым. К тому же невысокая светловолосая девица была совсем молоденькой и отчаянно хорошенькой, а своим неуёмным энтузиазмом в какой-то мере напомнила Лию. Фигурой – тоже. И при этом князь точно приставал не к ней. Это была какая-то совершенно посторонняя барышня. Видел её первый раз в жизни.

– Это было потрясающе! – продолжила восхищаться девчонка. – Бац! Бац! И все лежат!

Я растянул губы в вежливой улыбке и возблагодарил всех богов, когда взявшую меня в оборот вертихвостку призвала к порядку присоединившаяся к нам барышня чуть постарше.

– Виктория, прекрати немедленно! – потребовала она. – Вешаться на мужчин просто неприлично!

– За собой последи! – фыркнула в ответ девчонка и чуть отстранилась, но мою руку всё же не отпустила. – А если он убежит? Он такой скромный! Даже покраснел!

– Вот именно! Ты его в краску своими закидонами вогнала! Где твои манеры?

«Сёстры!» – понял вдруг я, уловив не столь уж и очевид-

ное внешнее сходство.

Та, что пришла мне на помощь, была выше, стройней и не симпатичней даже, а откровенно красивей. И вместе с тем – строже. В отличие от Виктории мальчишеского в ней не было ни на грош, а серые глазищи смотрели с каким-то непонятным сожалением. Наверное, так смотрят жалостливые люди на кролика, угодившего в железные объятия удава.

– Не мешай! Не видишь, я общаюсь?! – отшила сестрицу Виктория и потянула меня за руку. – Мой герой, скажите же скорее, как вас зовут!

– Пётр.

– Пётр, я непременно расскажу о вас папёнке! Он должен вас увидеть! Приходите к нам на приём по случаю Старого Нового года! Тринадцатого числа в шесть вечера! Вот, держите визитку. Только обязательно, обязательно, обязательно приходите! Пётр, я буду ждать! Пообещайте!

– Отчего же не прийти? – хмыкнул я, приняв украшенную золотым тиснением карточку.

– Обещаете?! – обрадовалась Виктория. – Пообещайте же!

Руку, положим, она бы мне не оторвала, а вот пиджак в случае промедления запросто мог лишиться рукава, поэтому я широко улыбнулся и сказал:

– Ради вас, что угодно!

Не соврал даже, просто отделался банальной благоглупостью, столь же неискренней, сколь и наигранные эмоции де-

вицы.

– Пётр, вы мой герой! – обрадовалась та. – Непременно приходите! Я предупрежу вахтёра!

– Вика! – одёрнула её сестра. – Нам пора! Иди в машину!

– Да уж без тебя разберусь! – фыркнула вздорная девица, привстав на цыпочки, неуклюже чмокнула меня в щёку и поспешила к одному из припаркованных у крыльца легковых автомобилей. – Пётр, я буду ждать! – крикнула она напоследок.

Её сестрица смерила меня пристальным взглядом и протянула руку.

– Ника!

– Пётр, – сказал я, аккуратно пожимая тонкие пальцы.

– Вы ведь не всерьёз пообещали прийти, так? – спросила вдруг барышня.

– Ну почему же... – начал было я, но осёкся и понимающе кивнул. – А! Вам бы этого не хотелось!

Ника покачала головой.

– Нет, не хотелось бы.

Никуда идти я не собирался, но ощутил вдруг какое-то совершенно иррациональное чувство обиды, вот и спросил:

– И почему же, если не секрет?

– Это будет нечестно.

– По отношению к кому?

Но Ника кинула взгляд мне за плечо и сказала:

– Извините, мне пора.

Я и не подумал отстать, двинулся вниз по лестнице бок о бок с ней.

– А давайте я угощу вас мороженым, и вы мне всё объясните!

– Просто поверьте на слово, приходить вам не стоит.

– Я вам верю! Верю! Но приду. Непременно приду! Вы не подумайте ничего плохого, это не шантаж! Я просто от природы чрезвычайно любопытен, а тут – тайна! Как упустить такую возможность вырваться за рамки серой обыденности? Я никогда себе этого не прощу!

Ника остановилась и поглядела на меня с едва уловимым намёком на улыбку.

– И куда вы позовёте меня на мороженое? – спросила она, сменив гнев на милость.

Вопрос озадачил до крайности, поскольку приглашать на свидание незнакомых барышень мне прежде ещё не доводилось, пожалуй, ни разу. Неправильный выбор места мог всё предельно осложнить, и я машинально посмотрел на так и зажатую в руке визитную карточку. Принадлежала та, надо понимать, папеньке Виктории и Ники. Фамилия показалась знакомой, да и домашний адрес тоже – точнее, знаком мне был район проживания некоего Кондрата Семёновича Врана.

Я озадаченно хмыкнул и о своей настойчивости слегка даже пожалел, но перехватил взгляд серых глаз, отбросил сомнения и предложил:

– В «Лиру»?

Брови Ники удивлённо взлетели.

– Часто там бываете? – спросила она.

В ответ я покачал головой.

– Слышал, там подают отменные десерты. Ну или можем сходить в студенческое кафе «Под пальмой». Знаете такое? Это напротив главного корпуса института.

– Знаю, – кивнула Ника. – Завтра в пять?

– С нетерпением буду ждать.

– Увидимся, Пётр!

Барышня скупно улыбнулась и направилась к длинному седану представительского класса, чуть припорошённой дорожной пылью. Я проводил взглядом её стройную фигуру и несколько раз стукнул по ладони уголком визитной карточки.

Вран... Вран... Вран...

Вспомнить бы ещё, где слышал эту фамилию прежде!

Машина с шофёром, квартира в «посольском» квартале, положение в обществе, с которым вынужден считаться даже Звонарь. Вран.

Ну точно! Вран! Заместитель главы комиссариата промышленности!

По спине пробежал холодок, я вновь постучал уголком визитки о ладонь и хотел было смять её в кулаке, но сразу передумал и спрятал в бумажник.

А почему бы, собственно, и нет?

Глава 2

Встал затемно. Вроде бы ничего удивительного для зимы, только не во время сессии, когда больше нет никакой нужды просыпаться ни свет ни заря и тащиться на первую пару. Увы, покой нам только снится. Не могу сказать, будто так уж много хвостов после семестра осталось, но без дополнительных занятий по отдельным предметам шансов сдать грядущие экзамены не было ни малейших. Сегодня предстояло подтянуть математический анализ, высшую геометрию и физику, посетить практикум по прикладной психологии, а ещё сходить на консультацию по праву.

Карл не переставал дивиться столь необычному набору дисциплин и строить самые невероятные предположения о том, какую специальность укажут в моём дипломе, а я только и мог, что отшучиваться, поскольку сам этого не знал. Альберт Павлович и Георгий Иванович просто поставили перед фактом, вручив уже готовый учебный план, в котором на первых ролях были математика и физика, а ещё теория сверхэнергии во всех её проявлениях. Помимо этого, присутствовали право, экономика и психология с уклоном в её практическую плоскость.

С учётом того, что по субботам я так и продолжал стажироваться в травматологии, на воскресенье покидал зону активного излучения Эпицентра, понедельник проводил

в учебном центре ОНКОР, а ещё был вынужден участвовать в жизни студсовета и выполнять задания доцента Звоняра, двадцати четырёх часов в сутках мне категорически не хватало. Но приспособился как-то, благо больше не приходилось ежедневно в одно и то же время заступать на дежурство в Бюро оперативного реагирования: оттуда я уволился по собственному желанию на следующий же день после ухода Вяза.

Что обещанного прапорщика так в итоге и не получил – ерунда. Отучусь, дадут кандидат-лейтенанта, то на то и выйдет. Главное, что все взыскания из личного дела вычистили, будто ничего и не было вовсе. Теперь запросит кто характеристику по месту прошлой службы, а я – чистенький. Вроде – пустяк, но нет, ничего подобного.

С Альбертом Павловичем мы пересеклись на подходе к столовой. Что эта встреча отнюдь не случайна, я понял по слишком уж радушной улыбке куратора, и точно – вопреки обыкновению он не проигнорировал меня, а протянул руку, ещё и поинтересовался:

– Как жизнь молодая?

– Не жалуюсь, – настороженно ответил я, но быстро совладал с эмоциями и в свою очередь спросил: – Если не секрет, когда пополнение семейства ожидаете?

– В начале февраля.

– Лизавете Наумовне от меня привет передавайте.

– Всенепременно, – кивнул Альберт Павлович. – Но ближе к делу...

Я тяжело вздохнул.

– Валяйте!

– Не в моих принципах вмешиваться в работу студенческого самоуправления, но для всех будет лучше, если материалы по Рогозе вернутся на исследование.

Мне даже память особо напрягать не пришлось, поскольку получил это дело на руки сразу после выхода из отпуска. Настроение мигом упало ниже плинтуса – прицепиться там было решительно не к чему.

– Для всех, говорите? Ну-ну... – буркнул я. – А на каком основании, позвольте поинтересоваться, я верну на исследование банальную драку, если там всё ясно, как божий день?

– Ты справишься. Я верю в тебя.

Альберт Павлович дружески похлопал меня по плечу и отправился восвояси безмерно довольный собой и жизнью, ну а я безо всякого аппетита пообедал и потопал на военную кафедру, где в кабинете за номером двадцать пять вёл приём студентов второй мой куратор – Георгий Иванович Городец.

Разнообразие ради тот оказался в приподнятом расположении духа и к писавшемуся вчера до позднего вечера отчёту о моём общении с заокеанскими соискателями придирается не стал, даже уточняющих вопросов задал всего два или три.

– Удовлетворительно, – сказал он в итоге, убирая листки

в сейф. – Твои предложения?

– Думаю, имеет смысл им выпивку и дальше поставлять.

На этой почве можно завязать приятельские отношения.

– Действуй, – одобрил эту мою идею Городец.

– Только я на Кордоне набегамы бываю... Там бы резидента завести, чтобы постоянно их опекал.

– Есть и такие, – признал Георгий Иванович, не став разводить на пустом месте секретность, – но на прямой контакт с иностранцами они не пойдут. Это на тебе. – Он достал из сейфа перетянутую аптечной резинкой пачку банкнот, отсчитал десять пятидесятирублёвых купюр, после недолгих колебаний присовокупил к ним ещё две и кинул их на стол. – Держи на оперативные расходы. Но из роли не выпадай, торгуйся за каждую копейку.

– Думаете, понадобится? – уточнил я, пересчитывая деньги. – Револьверы я на себя оформил, сам за них рассчитаюсь.

– Понадобится, – с усмешкой подтвердил куратор. – Не сомневайся даже!

– Дают – бери, бьют – беги, – процитировал я народную мудрость, сунул стопочку сложенных надвое банкнот в бумажник и составил расписку о получении шестисот рублей, потом сказал: – Вот ещё что, Георгий Иванович! Сможете замолвить за меня словечко перед Вихрем?

Майор Городец усмехнулся в прокуренные усы.

– Никак в оперчасти вакансия появилась? А Звонарь в курсе, что ты от него уйти собираешься?

Я растянул губы в улыбке, показывая, что оценил шутку, и сказал:

– Да просто одно дело на доследование вернуть нужно. Возникли, понимаете, обстоятельства...

Куратор нацелил на меня указательный палец.

– Аспирант Рогоз, драка, лёгкие телесные повреждения. Так?

– Так, – подтвердил я.

– Работай, препятствий тебе чинить не станут.

– Та-а-к! – протянул я, набычившись. – А нельзя разве всё обстряпать было, пока расследование инцидента шло?

Георгий Иванович развёл руками.

– Аспиранту изменила девушка, и он поколотил товарища, наставившего ему рога, – что там обстряпывать было? Этот ревнивец подал заявление о переходе в структуру, которой, по мнению нашего общего знакомого, подобного рода специалисты совершенно ни к чему, когда дело уже спустили в студсовет. Формальные основания затребовать материалы обратно отсутствуют, а высасывать их из пальца мы не станем. Чревато ненужным обострением отношений с... Так скажем, с коллегами. Тут инициатива должна исходить с вашей стороны. И дам тебе один совет: даже не пытайся переквалифицировать телесные повреждения пострадавшего из лёгких в средние. Пакет документов изменению не подлежит, только лишь дополнению. Не подходящее нынче время для подтасовок.

– Ну здорово! – буркнул я.

Городец рассмеялся.

– А кому сейчас легко? – Он закурил, выдул к потолку струю сизого дыма и сказал: – Основания для пересмотра дела должны быть железобетонными. Чтобы комар носу не подточил.

– Да уж понятно, – вздохнул я, снимая с вешалки пальто. – Но Вихря вы всё же предупредите. Во избежание.

– Он в курсе дела. И Бражник тоже.

Владимир Михайлович Бражник вскоре после утверждения в должности директора Бюро пошёл на повышение и возглавил объединённую Службу охраны РИИФС. Ну а Евгения Вихря вернули из Зимска на прежнее место – руководить оперчастью, которую наравне с управлением физической защиты включили в состав новой структуры.

К слову, несмотря на объявленное неполное служебное соответствие, добровольно подавать в отставку Вяз не пожелал, избавиться от него помогла именно эта реорганизация. Должность сократили, ничего равноценного не предложили, вот и пришлось моему бывшему начальнику переводиться в Пограничный корпус. Почему именно туда, а не в СЭЗ – понятия не имею.

– По рукам тебя бить не станут, – приободрил меня Городец и вновь ухмыльнулся в рыжеватые от табачного дыма усы. – Разве что для виду.

– Ну это как водится, – хмыкнул я, попрощался с курато-

ром и отправился в студсовет.

Перед нашим корпусом шёл митинг, выступал какой-то незнакомый мне усатый гражданин.

– Без модернизации трансконтинентальной магистрали нечего и думать ни о какой индустриализации! – вещал он присутствующим. – Мы очистили ряды от саботажников и вражеских агентов и теперь как никогда нуждаемся в приходе молодых специалистов!

Тут же велась запись в студенческие бригады – как понял, работа на железной дороге не только шла в зачёт производственной практики, но и оплачивалась в зависимости от объёма выполненных работ. С учётом того, что оператор легко мог заменить пару-тройку тракторов или десяток разнорабочих, набегать за смену даже с учётом пониженных тарифных ставок должно было весьма и весьма немало. Хороший стимул для тех, кто ставит во главу угла деньги.

Я поднялся в кабинет и застал Касатона Стройновича за опустошением ящиков его письменного стола. Ирина Лебеда наблюдала за этими манипуляциями с непонятным выражением лица.

– Это вы чего тут? – спросил я с порога. – Мы никак переезжаем? Новый кабинет дают?

– Дождёшься от них! – фыркнула Ира.

Касатон покачал головой.

– Нет, не переезжаем. Я в горком перехожу, молодёжную секцию там возглавлю.

Я аж присвистнул от изумления.

– Ну ничего себе! А вместо тебя кто будет?

– Поставят кого-нибудь. Пока Сева заключения подписывать станет, – сказал Стройнович и развёл руками. – Извини, Петя, тебя с собой забрать не получилось. Запретили на правление оголять. После перевыборов в сентябре к этому вопросу пообещали вернуться.

Я вздохнул и пробурчал, растёгивая пальто:

– До сентября ещё дожить надо!

Ира поглядела сочувственно.

– Совсем-совсем один, Петенька, остаёшься!

– А тебя, значит, Касатон с собой в горком берёт? – возмутился я.

– Замуж! – улыбнулась в ответ Ирина. – Он меня замуж берёт!

Известие это таким уж неожиданным не стало, но я всё равно округлил глаза.

– Ого! Поздравляю! Касатон – тебя вдвойне!

– Спасибо, Петя!

– А ты с какого числа уходишь? – уточнил я после традиционного похлопывания друг друга по спине. – Тут бы хвосты закрыть, чтобы к Севе лишний раз документы на подпись не таскать.

– Сегодня последний день, – разочаровал меня Стройнович и подмигнул. – Но пока суд да дело, завтра-послезавтра смогу тебе заключения подписывать.

– Спасибо, ты настоящий друг!

– Не дуйся! – попросил Касатон и вернулся к разбору вещей. – Всё ж отработано давно!

Я только головой покачал. Всё, да не всё.

Вот же озадачил Альберт Павлович, так озадачил!

Но делиться своими печальями со старшим товарищем я, конечно же, не стал, вместо этого отпер шкаф и вытащил из него стопку поступивших за новогодние праздники протоколов. Взял лежавшие сверху листы, сцепленные канцелярской скрепкой, и не удержался от тяжкого вздоха. Память не подвела, случай и в самом деле оказался однозначней некуда: драка на почве личных неприязненных отношений, сломанный нос, подозрение на сотрясение головного мозга и – ни малейшего намёка на использование сверхспособностей. Банальная потасовка. Ещё и характеристику драчуну в ректорате дали положительней не бывает, ну просто чистый ангел, а не человек.

Сложилось даже впечатление, будто на первоначальном этапе поступила команда это дело замять, очень уж всё было гладенько. Ну и как с этим прикажете работать?

Впрочем, одну зацепку я всё же углядел. Обвиняемый в нанесении побоев аспирант работал младшим научным сотрудником на кафедре пиковых нагрузок, а её бессменный руководитель профессор Чекан до сих пор находился под домашним арестом. Тут было о чём подумать.

– Ирина! – окликнул я нашего делопроизводителя. –

Пройдись по всем секциям, поспрашивай о Вахтанге Рогозе, аспиранте. Если он ни с кем не сотрудничал, подготовь справку, что товарищ в жизни студенческого самоуправления участия не принимал.

Касатон Стройнович озадаченно хмыкнул.

– Мы так теперь работаем, да?

– Кот из дома, мыши в пляс! – отшутился я и отправился на поиски Якова Беляка.

Заместитель председателя студсовета отыскался в своём кабинете, на вопрос о Вахтанге Рогозе он недоумённо нахмурился.

– Зачем тебе?

Я поднял руку и пошелестел листами.

– Протокол на него пришёл.

– Побои? – догадался Яков, который и сам был выходцем с кафедры пиковых нагрузок. – Вахтанг – большой умница и настоящий учёный, но в личной жизни сущий неандерталец. Единоличник и страшный ревнивец. Как влюбится в кого, так и начинает кулаки распускать. Один эпизод даже на товарищеском суде разбирали. Но профессор его ценил, всё перевоспитать пытался, дело так ничем и не кончилось.

– О как! – прищёлкнул я пальцами. – Спасибо за информацию!

Товарищеский суд, значит? Очень интересно!

Вернувшись в кабинет, я сунул протокол в портфель и начал одеваться.

– Ты уже всё? – удивился Касатон. – Отработал на сегодня?

– Если бы! – вздохнул я. – Пойду с коллегами касательно этого типа пообщаюсь.

– А чего ты так в него вцепился-то?

– Сигнал поступил, – отделался я полуправдой и выскользнул из кабинета, поспешив предупредить сим немудрёным образом неудобные расспросы.

На улице порыв стылого ветра швырнул в лицо колючую снежную крупку, я пониже опустил кепку, поднял воротник пальто и отправился на кафедру пиковых нагрузок. Переговорил с активистами ячейки Февральского союза молодёжи, но секретаря на месте не застал, его сказали искать в лабораторном корпусе.

Я последовал этому совету, навёл справки на вахте и вскоре заглянул в кабинет, где хмурился у исписанной длинными формулами доски молодой человек в белом халате.

– Вахтанг Рогоз? – переспросил он, вытирая пальцы от мела замусоленной тряпкой. – В нашей ячейке Вахтанг не состоит.

– А звали?

– Конечно звали! – уверил меня секретарь. – Лично его приглашал!

– И что же он?

– Сказал, что в гробу и белых тапочках нашу общественную жизнь видит.

Я сделал пометку в блокноте и задал очередной вопрос:

– Говорят, он на почве ревности общественный порядок и прежде нарушал?

Секретарь ячейки с обречённым вздохом кивнул.

– Нарушал. Но это ещё до моего назначения было!

– Хорошо его знаете? Меня даже не он сам, а его бывшие девушки интересуют.

Молодой человек наморщил лоб.

– Пожалуй, смогу нескольких назвать. Но далеко не всех. Шибко он влюбчивый.

Имён набралось с полдюжины, заодно я выспросил фамилии тех, с кем у Рогоза случались конфликты, уточнил дату проведения товарищеского суда, а после попросил дать вспыльчивому аспиранту объективную характеристику.

– Сразу и напечатайте, – указал я на пишущую машинку.

Молодой человек в такой малости представителю студенческого самоуправления отказывать не стал, и очень скоро я шагал по коридору, по диагонали просматривая текстовку.

Политическая незрелость, обособленность, игнорирование общественной деятельности, беспорядочная личная жизнь, собственническое отношение к женщинам, конфликтность, систематические драки, а в довершение всего – высочайшая квалификация и особое отношение со стороны профессора Чекана.

То что надо! Жаль только должность у подписавшего характеристику не та, чтобы к ней всерьёз отнеслись. Но это

дело поправимое.

Бюро институтской организации Февральского союза молодёжи занимало несколько помещений на верхнем этаже главного корпуса, расположение – престижней некуда, да только комнатухи те были откровенно крохотными, и людям приходилось в них не просто тесниться, а буквально сидеть друг у друга на головах. Впрочем, второму секретарю выделили персональную каморку, где при включённом радиоприёмнике можно было даже не особо опасаться, что разговор расслышат соседи.

Я постучал в дверь с табличкой «И.В. Снегирь, второй секретарь», сразу приоткрыл её и заглянул в кабинет с письменным столом, узким окном, шкафом и портретом Баюна рядом с республиканским гербом.

– Не помешаю?

Инга оторвалась от печатной машинки, откинула с лица русую чёлку и улыбнулась.

– Здравствуй, Петя! Давно не появлялся!

– В отпуск же ездил. Неделю в Зимске провёл.

– Новый год с родными встретил? – вздохнула барышня. – Везёт!

Я прикрыл за собой дверь и ухмыльнулся.

– Да я лучше бы вдвоём с тобой под бой курантов...

– Ой, брось! – рассмеялась Инга. – Чего пришёл?

– Считаю, нашим организациям надо теснее взаимодей-

ствовать друг с другом, – сказал я и многозначительно похлопал ладонью по столешнице. – Гораздо теснее!

Инга покрутила пальцем у виска.

– Ты о чём-нибудь другом думать способен вообще?

– Увы, только о другом и приходится думать, а тебя, вот, увидел и сразу накатило. – Я расстегнул портфель и принялся выискивать в нём нужный листок, попутно спросил: – Нога как?

– Ломит к перемене погоды, но терпимо.

– Не отнимается?

– Давно уже нет. Твоя техника отлично работает.

Я покачал головой.

– Она просто купирует симптомы и полноценную реабилитацию заменить не сможет.

– Уже всё хорошо! – отрезала Инга, ясно давая понять, что разговаривать на эту тему не расположена.

Она очень быстро восстановилась после полученных летом травм, но левая нога изредка отнималась, вот я и поставил бывшей однокласснице технику дублирования сигналов нервной системы. Ей бы вдобавок на курс реабилитации походить, да куда там! Инга с головой ушла в учёбу и общественную работу, словно что-то кому-то хотела доказать.

Кому-то, только не мне. Отношения у нас остались... ровными.

Пожалуй, именно так.

Инга приняла свежееотпечатанную характеристику, вни-

мательно изучила её и поморщилась.

– На редкость неприятный персонаж.

– Других не держим, – развёл я руками. – Можешь заверить?

Бывшая одноклассница глянула остро, но ни о чём спрашивать не стала, шлёпнула в угол листа штамп и расписалась.

– Зайдёшь сегодня на чай? – спросила она, возвращая характеристику.

– С удовольствием бы, но вечер занят.

– Свидание?

– Если бы! – Я вздохнул. – Договорился с соседом, что он мне физику подтянет. Иначе точно на экзамене засыплюсь.

– Откуда на военной кафедре углублённое изучение физики?

– Не сыпь мне соль на раны! – попросил я. – Меня же по особой квоте зачислили с индивидуальным учебным планом. Вот и приходится отдуваться.

– Бедненький!

– И не говори!

Склонившись над столом, я поцеловал Ингу, пообещал на неделе заглянуть в гости и отправился на розыски молодых людей и барышень из окружения проштрафившегося аспиранта. Пробегал по студгородку до без четверти пять. Нашёл далеко не всех, к тому же попутно в списке прибавилось ещё полтора десятка персоналий, но картинка сложи-

лась вполне определённая, и ситуация перестала казаться такой уж беспросветной. Пожалуй, что и выкручусь на сей раз.

В студенческое кафе «Под пальмой» я прибежал за пять минут до назначенного времени, быстренько избавился от пальто и кепки, наведаясь в уборную вымыть руки и вернуться в общий зал.

Там столкнулся с Валею и Яной.

– Здравствуйте! – с недовольным видом выдала в ответ на моё приветствие серая мышка и ушла к буфету.

– Чего это с ней? – удивился я. – Особые дни?

Валентина глянула в ответ с укоризной.

– Просто переживает за меня. – Платиновая блондинка улыбнулась. – Считает, меня незаслуженно обошли с повышением.

– Да как же так? – притворно удивился я. – Была медсестрой, а стала фельдшером и заместителем начальника медпункта институтского дома отдыха!

Ну да – от участия в проекте Валентину отстранили. Я только не знал, приложил к этому руку доцент Звонарь или подсуетился Альберт Павлович, у которого были на блондиночку какие-то собственные планы.

– В этом доме отдыха скука смертная! – отрезала Валя. – Хуже даже, чем на Кордоне!

– Позволь с тобой не согласиться, – усмехнулся я. – У меня была возможность сравнить.

Блондинка только фыркнула и присоединилась к подружке, а я вновь взглянул на часы. Было ровно пять, но посетители только начинали подходить, так что без проблем занял столик на двоих у окна, оглядел зал, посмотрел на улицу.

Не заметил нигде Ники и ощутил не разочарование даже, а нечто куда более неприятное, замешанное на гаденькой неуверенности. Давно ничего подобного не испытывал. Слишком давно, чтобы просто махнуть рукой, если девушка вдруг не придёт.

Вроде и не на свидание её пригласил, вроде мне до неё и дела нет.

Просто обидно, что ли?

Начало шестого. Густые сумерки, огни фонарей, позёмка и тёмные фигуры людей.

Минутная стрелка доползла до двойки, и я решил впустую время не терять, сходил к буфету, взял стакан чаю и порцию медовика. Ни пиво, ни коньяк заказывать не стал, лишнее это. Ни к чему.

Ника вынырнула из вечернего сумрака в четверть шестого. Будто бы даже возникла из ниоткуда, шагнув в отбрасываемый витриной кафе свет, но так уж сильно меня это обстоятельство не порадовало: появилась барышня не одна, а в сопровождении какого-то курчавого пижона. Распахнутое пальто, непокрытая голова, уверенный вид.

Вот ведь хлыщ!

Я поймал себя на том, что начинаю закипать, и усилием

воли погасил вспышку раздражения.

Это что ещё за ерунда?! Ревность?!

Да какого чёрта?! Откуда бы такие собственнические инстинкты?!

Ну-ка брось!

Растянуть губы в улыбке получилось без всякого труда, но промелькнуло в глазах, как видно, всё же нечто такое, что уже двинувшийся к столику пижон резко передумал и поспешил откланяться.

Демонстрируя хорошие манеры, я помог Нике снять шубку и убрал на вешалку её чуть припорошённую снегом меховую шапку, слегка выдвинул стул, передал меню. Но в него барышня даже не заглянула, уставилась на меня.

– Неужто у вас, Пётр, такая скверная репутация?

Я нахмурился.

– С чего бы это?

– Роман не робкого десятка и всё же предпочёл ретироваться.

– Он просто проявил деликатность.

Ника негромко рассмеялась.

– Роман и деликатность – вещи несовместимые. Он что же – испугался, что вы его поколотите? Вика не ошиблась, сочтя вас хулиганом?

Пристальный взгляд серых глаз уколол почище игл Лизаветы Наумовны, шуткой тут и не пахло.

– Занятно, – хмыкнул я. – Нет, всё обстоит немного не так.

А ваш Роман...

– Не мой. Просто Роман.

– И в самом деле проявил деликатность. Я – секретарь дисциплинарного комитета студсовета, и вариантов немного: либо вы пришли жаловаться на кого-то, либо я вознамерился расспросить вас о ком-то в неформальной обстановке.

Ника чуть оттаяла, но именно лишь – чуть.

– Положение даёт вам право распускать руки?

– Если речь о вчерашнем эпизоде, то я обязан был вмешаться.

– Вы оператор! Вы могли... Ну я не знаю! Просто обездвигить их!

Я усмехнулся.

– А вы – не оператор. Не отвечайте, это не вопрос.

– И что с того?

– Случайное энергетическое воздействие на соискателей способно пустить прахом всю их подготовку к инициации. Это очень серьёзно. – Я на миг задумался и выстрелил наугад. – Вашу сестру должны были предупредить об этом на медосмотре. Её ведь зачислили в соискатели?

– Пока ещё только внесли в списки. Она уже почти год в Новинске живёт, поэтому подготовка на Кордоне начнётся не раньше августа, когда ей шестнадцать исполнится.

– Но предупредить предупредили?

Ника кивнула и будто бы даже нехотя произнесла:

– Вы весьма убедительны.

– Предлагаю перейти на «ты», раз уж выяснилось, что я не хулиган.

– По-вашему этого достаточно?

– А Ника Кондратьевна полагает иначе?

– Что-то вас, Пётр, кидает из крайности в крайность.

Я пожал плечами.

– Нет, так нет... Помнится, я обещал угостить вас мороженым!

Мы заказали две порции посыпанного шоколадной крошкой пломбира, и я торопиться с расспросами не стал, вместо этого взялся беззастенчиво разглядывать Нику.

Лицо её отличалось тонкими и очень правильными чертами, светлые волосы вновь были затянуты в косу, в ушах поскрипывали неброские золотые серёжки. И столь же неброской оказалась губная помада. Шерстяная юбка, блуза, жакет.

Стройная и строгая. При этом весьма привлекательная и даже красивая.

Утончённая.

– Так зачем же Виктории понадобилось приглашать в дом хулигана?

Барышня закатила глаза.

– А стоит ли об этом?

– Вы обещали рассказать.

– И что с того? Вы, к примеру, обещали Вике непременно прийти, а мне – обратное.

– Нет, – мягко и вместе с тем предельно решительно воз-

разил я. – Никому из вас я ничего подобного не обещал. Разумеется, мои фразы можно истолковать и подобным образом, но это будет лишь одна из возможных трактовок, не более того.

Ника озадаченно глянула на меня и задумалась, затем покачала головой.

– А с вами, Пётр, надо держать ухо востро!

– Несомненно, – признал я. – Впрочем, не только со мной. Уж извините за банальность, люди бывают разные.

– Учту, – пообещала Ника, отодвинула от себя вазочку и вздохнула. После сказала: – Вика поссорилась с мачехой, даже не знаю из-за чего на этот раз, вот и решила ей насолить. Когда Ольга узнает...

– Ольга – это ваша мачеха? – уточнил я.

– Да, – подтвердила барышня, и в голосе её не прозвучало ни малейшего намёка на теплоту. – Так вот, когда Ольга узнает о том, что Вика кого-то привела, то немедленно отправит секретаря отца выставить незваного гостя. В этом случае точно не обойдётся без скандала, и появится повод пожаловаться папеньке.

– С секретарём отца у Вики отношения, надо понимать, тоже не ахти? – предположил я, напряжённо размышляя над услышанным.

– Терпеть его не может, – спокойно подтвердила Ника.

– Коварно, – хмыкнул я, полез во внутренний карман за бумажником, извлёк из него визитку и протянул собесед-

нице. – Возвращаю.

Ника приняла у меня картонный прямоугольник, миг помедлила, а потом спросила:

– Так вы не придёте?

Я покачал головой.

– Не могу этого гарантировать. А вдруг меня удостоят приглашением? Не хотелось бы расстраивать вашего папеньку отказом из-за сего опрометчивого обещания. Но если вам будет неприятен мой визит...

– Нет, – улыбнулась Ника, оценив шутку. – Вовсе нет.

Её определённо насмешила самоуверенность какого-то там секретаря дисциплинарного комитета студсовета, но я не обиделся и предложил:

– Ещё мороженого? Или чаю?

– Нет, спасибо, – отказалась барышня и достала кошелёк.

– Я заплачу по счёту.

– Не нужно. Всегда плачу за себя сама.

Я поморщился.

– Ох уж мне эта эмансипация...

– Что-то имеете против?

– Вовсе нет. Просто не вижу смысла растрачивать принципы на копеечную ерунду.

– Большое начинается с малого! – отрезала Ника, отсчитывая нужную сумму.

Я заплатил за себя, помог барышне с шубкой и спросил:

– Так понимаю, вы учитесь в институте?

– Да, пришлось перевестись в РИИФС.

– На каком факультете, если не секрет?

Ника глянула в ответ с улыбкой, показалось даже, будто посоветует выяснить это самостоятельно, но нет, она сказала:

– На филологическом. Кафедра журналистики.

– Ах вот что! Тогда без эмансипации и в самом деле никак не обойтись.

Реакции на эту реплику не последовало, мы вышли на улицу, и я спросил:

– Вас проводить?

– Спасибо, не нужно, – отказалась Ника, и уж тут дело было отнюдь не в излишнем увлечении идеалами суфражизма.

Почти сразу загорелись фары стоявшего неподалёку от кафе легкового автомобиля, машина подъехала и остановилась, мне только и осталось, что распахнуть перед барышней заднюю дверцу.

– До свидания, Пётр, – сказала Ника на прощание и укатила домой.

А я глянул вслед и озадаченно поскрёб затылок.

Тут было о чём подумать. Например, о своих пещерных инстинктах. И о приоритетах. Ещё и о них.

На квартире Мишу Поповича я не застал. И это было удивительно, поскольку мы условились разобрать сегодняшним вечером несколько задач по физике. Ради этого я про-

пустил занятие по сверхйоге, здраво рассудив, что медитировать могу и дома, а без соседки разобраться в научных премудростях точно не выйдет. И тут такое. Досадно.

Милена гремела посудой на кухне, я заглянул к ней и спросил:

– А Миша где?

– Да кто ж его знает? – раздражённо фыркнула в ответ барышня.

Я озадаченно хмыкнул.

– И не известно, когда придёт?

– Почему не известно? Под утро явится.

– Он мне с физикой обещал помочь.

– Мне он тоже много чего обещал.

Милена определённо была не в духе, но я к себе в комнату сбегать не стал, сел за стол и спросил:

– Случилось чего?

Барышня покачала головой.

– Да нет. Просто у них на кафедре компания подобралась дружная, вместе время проводят. Дело житейское.

Личная жизнь соседей меня несколько не интересовала, а сейчас начал копаться в памяти и сообразил, что в ноябре – декабре Миша не раз и не два переносил, а то и вовсе отменял наши занятия под предлогом чрезвычайно высокой загруженности на кафедре. Просто это всё не одновременно началось, вот и упустил.

– Утром, значит? – хмыкнул я. – А с научной работой

у него как? Не забросил?

– Что нет, то нет, – усмехнулась Милена.

Я вздохнул.

– Ладно, загляну к нему на кафедру. Узнаю, что там за дружная компания подобралась.

– Ой да брось!

– Что значит – брось? У меня экзамен по физике на носу! – возмутился я, подмигнул соседке и от предложенного бутерброда с вареньем отказался, ушёл к себе в комнату. Нужно было разобрать показания опрошенных за день студентов и успеть помедитировать перед сном, а сладкого я сегодня на неделю вперёд наелся.

Миша и в самом деле заявился домой только ночью – меня разбудило приглушённое переругивание соседей, вот и взглянул на часы. Потом долго ворочался и никак не мог уснуть. Встал невыспавшимся и злым, только поэтому и превратил в жизнь обещание заглянуть на кафедру феномена резонанса, иначе бы точно махнул рукой и занялся своими делами. Ну а так отыскал секретаря тамошней ячейки Февральского союза молодёжи и прямо с порога объявил:

– Ну и что у вас на кафедре за бардак творится?

– Утречка, Петя! – поприветствовал меня знакомый по студсовету старшекурсник, зажал лицо в ладонях, зевнул и сказал: – Бардак у нас творится самый разный. Тебя какой именно интересует?

– Интересуют меня, Вадим, пьянки и гулянки. Говорят, они у вас нормой жизни стали.

– Кто говорит?

– Люди говорят.

– Люди соврут – недорого возьмут.

Я покачал головой.

– Не в этом случае.

Вадим вновь зевнул, помотал головой и спросил:

– Всё серьёзно, значит?

До вранья опускаться не хотелось, и я перевёл разговор на другую тему:

– Тоже ночь напролёт колобродил?

– Если бы! – вздохнул секретарь ячейки. – Диплом писал.

Горю уже. Синим пламенем!

Я уселся на шаткий стул и сказал:

– Тогда быстренько расскажи, что у вас происходит, и вместе решим, как с этим быть.

– Активная общественная жизнь у нас происходит, – усмехнулся Вадим. – Нет, серьёзно! Когда на кафедру Антон Пух пришёл, я нарадоваться не мог. Раньше наши умники в библиотеке штаны протирали и света белого не видели, а он их расшевелил. На пляж, в театр или кино, на выставку или танцы однокашников сагитировать – это он завсегда. Ну а потом как-то незаметно из всех развлечений остались посещения варьете да попойки у него на квартире. И что я могу с этим поделать? А ничего! В свободное от учёбы время

каждый волен заниматься, чем пожелает!

Хмыкнув, я достал блокнот и уточнил:

– И прямо один человек так дурно на коллектив повлиял?

Секретарь ячейки хмуро глянул в ответ.

– Других предположений на этот счёт у меня нет.

– Антон Пух – это рыжий такой? – уточнил я.

– Знаешь его?

– Вместе инициацию проходили.

– Серьёзно? Я думал, ты старше!

– Нет, тоже третий курс, – сказал я и убрал блокнот, так ничего в него и не записав. – Ты мне вот что скажи: на собраниях этот вопрос поднимали?

– Снижение посещаемости обсуждали, разве что, – после недолгих раздумий сообщил Вадим. – Но без упоминания персоналий. Просто учащихся к ответственности призывали.

– Успеваемость тоже снизилась?

– Увидим по итогам сессии.

– По итогам сессии поздно будет, – покачал я головой. – Нельзя, чтобы вас обвинили в пассивности, это бросит тень на всю институтскую организацию. Надо действовать на опережение. Поднимите данные по количеству допущенных к сессии, сравните с прошлыми семестрами. Если увидите снижение, проведите задним числом собрание на этот счёт. Если нет, всё равно проведите, только уже исключительно о разлагающем влиянии Пуха, и направьте нам вчерашним

числом. Только сделай всё до обеда, чтобы я в канцелярии зарегистрировал. Нас официально запросят, а сигнал уже есть и работа ведётся. Сделаешь?

Вадим поднялся из-за стола и протянул руку:

– Спасибо, Петя!

– Не за что! – без малейшего намёка на улыбку произнёс я и откланялся.

Выйдя за дверь, задумался, не возводят ли на Антона напраслину, тут-то на глаза и попался Миша Попович с опухшей физиономией и покрасневшими из-за недосыпа глазами.

– Привет! – усмехнулся я. – Ты чего так рано?

– Так это... – чуть заторможенно выдал мой сосед. – Консультация сейчас начнётся!

– Какая тебе ещё консультация? – хмыкнул я, взяв его под руку. – Ты и так всё знаешь. Идём!

– Куда ещё?

– Увидишь.

Отвёл я Нигилиста в буфет. Но там мы задерживаться не стали, только купили два стакана чёрного чая и вышли на улицу.

– Ну и чего? – озадаченно уставился на меня Попович.

– А и ничего, – усмехнулся я. – Пей чай, дыши свежим воздухом.

Так уж холодно сегодня не было, но стылый ветер мёл по-зёмку, и мой сосед мигом озяб. Зажав обеими ладонями ста-

кан, Миша сделал длинный глоток, постоял немного и спросил:

– Петь, ну чего тебе, а?

– Много вас вчера гуляло?

– А какая разница? – удивился Нигилист, нахохлился и с вызовом произнёс: – Это моё личное дело, как я свободное время провожу!

– Милене это скажи! – отмахнулся я. – Меня интересует исключительно вчерашняя ночь. Так много вас было?

– Зачем тебе?

– Сначала ответь.

– Человек десять, – сказал Попович как-то не слишком уверенно. – Или пятнадцать. Там ещё девчонки с педагогического подошли, я их плохо помню.

– Где пили?

– На квартире у одного из наших. Ну это потом уже. Сначала в «Синей гусенице» сидели. Это варьете.

– Всех, кто там был, знаешь?

– Петь, да что случилось-то?! Ты можешь толком объяснить?!

– Нет, – спокойно произнёс я, отхлебнув чая. – Но ты же понимаешь, что я не просто так к вам на кафедру пришёл и опрос провожу!

– Там что-то стряслось, когда я ушёл? – забеспокоился Миша.

– Именно там ничего не стряслось, – уверил я его. – Более

того – все, кто был на той квартире, не могли в это же время находиться в другом месте, где и вправду могло кое-что случиться. Так кто именно там был? Когда пришёл, когда ушёл?

Попович начал перечислять имена, но тут же сбился и развёл руками.

– Да всех разве упомнишь? Кто-то приходил, кто-то уходил. А может, они и не уходили, а с барышнями в спальне уединялись. Я не следил!

– А кто может знать наверняка?

– Если только Антон Пух, – предположил Нигилист без особой, впрочем, уверенности. – Мы у него на квартире постоянно собираемся, а вчера все свои были вроде.

Я изобразил задумчивость.

– Ну не знаю, не знаю. – Затем похлопал соседа по плечу. – Может, и лишнее это. Ты пока о нашем разговоре не распространяйся, нужно будет – я сам Антона опрошу.

– Как скажешь.

Миша допил чай, и я забрал у него стакан, отнёс пустую посуду в буфет.

С девочками они, значит, уединяются?

Очень интересно. И если Милене об этом говорить определённо не стоило, то отразить в отчёте майору Городцу нужно будет непременно.

Всю первую половину дня я рыскал по студгородку в поисках людей из составленного вчера списка, а ещё посетил гор-

больницу и раздобыл там кое-какие сведения. Личное знакомство с барышнями из регистратуры и коробка шоколадных конфет до предела упростили получение нужных выписок, зато в канцелярии Службы охраны института меня послали куда подальше, там пришлось просить о содействии Евгения Вихря.

Когда я пришёл в студсовет, Касатон Стройнович уже заканчивал передачу дел председателю, но выслушать меня он не отказался.

– Что у тебя, Петя?

– Рогоз, – пояснил я. – Ты погляди, какой у этого горячего южного человека послужной список!

Касатон взял характеристику, выданную секретарём ячейки Февральского союза молодёжи, ознакомился с ней и хмыкнул, после начал просматривать подобранные мной документы – протокол заседания товарищеского суда, вытребованные в архиве заявления двух бывших пассий аспиранта с просьбой оградить их от преследований со стороны слишком уж ревнивого кавалера и свидетельские показания о целом ряде драк.

– Налицо систематическое нарушение общественного порядка! – объявил я и протянул полученные в горбольнице выписки. – Общее количество часов временной нетрудоспособности всех участников драк я не подбивал, но сумма получается приличная.

Стройнович вытащил из верхнего ящика стола счёты и за-

щёлкал костяшками, оценил полученный результат и вновь хмыкнул.

– Петя, а чего ты так к нему прицепился? – спросил он, пригладив тоненькие ниточки усов. – Что-то личное?

Я покачал головой.

– Нет, был сигнал.

– Анонимный? – предположил Касатон.

– Можно и так сказать, – хмыкнул я. – Источник информации я раскрывать не стану.

Мой старший товарищ вздохнул и спросил:

– И что ты предлагаешь? Публичную порку устроить?

Я покачал головой.

– Мне сейчас за двоих работать придётся, не до того просто будет. Давай в оперчасть материалы вернём в связи со вновь открывшимися обстоятельствами? Если ты вчерашним числом заключение подпишешь, я договорюсь, чтобы дело обратно забрали.

В иной ситуации Стройнович у меня на поводу бы точно не пошёл, а так махнул рукой.

– Делай!

Я сел за печатную машинку и только заправил в неё лист, как распахнулась дверь и к нам заглянул Вадим с кафедры феномена резонанса.

– Не помешаю? – проформы ради уточнил он, входя. – Салют, Касатон! Петя, виделись.

– С чем пожаловал? – поинтересовался Стройнович, от-

вечая на рукопожатие.

– Да вот завелась паршивая овца, понимаешь! Держи!

Касатон листки брать не стал, покачал головой.

– С этим уже не ко мне.

– Я обещал вчерашним днём зарегистрировать, – сказал я. – Вадим, оставляй!

– Нет ну ты скажи, какую бурную деятельность развил! – покачал головой Стройнович и повторил за мной. – Да, оставляй, Вадим. Гляну. – А когда мы вновь остались в кабинете вдвоём, он усмехнулся: – Тоже сигнал был?

– Именно! – подтвердил я и пояснил: – Сосед мой там учится.

– И что теперь с этой писулькой делать? Вадим понятно – он задницу свою прикрыл, да только у нас полномочий вмешиваться нет. По уму надо отказ в принятии к рассмотрению писать.

– Это неконструктивно! – покачал я головой. – Лучше мы Палинскому рекомендуем на этот момент внимание обратить. А то у них и посещаемость снижается, и успеваемость падает.

Касатон уставился на меня во все глаза.

– Мы. Рекомендуем. Палинскому. – Он произнёс эту фразу с выражением, делая длинные паузы между словами. – Петья, ты сегодня кровожаден как никогда! Профессор же этого Пуха... – Стройнович осёкся и задумчиво повторил: – Пуха, Пуха...

– Вспомнил, да? Это беглец на фронт, которому мы отсрочку наказания согласовали. Чуть ли не единственному, заметь! А он вон как себя проявил! Вот ещё немного покутит, и начнётся разбор полётов, будем иметь бледный вид.

– Отсрочку ему до конца первого семестра дали, так? – уточнил Касатон, задумчиво потирая переносицу. – По итогам сессии ему новое ходатайство подавать придётся, и Палинский после нашей писульки его точно не подпишет. А если даже и подпишет, у моего преемника будет железобетонное основание в новой отсрочке отказать, и второй семестр товарищ Пух проведёт в учебном центре ОНКОР.

– Как-то так, да.

– Не уверен, что это правильно, но чёрт с тобой, Петя! Готовь бумаги вчерашним числом, я подпишу.

– Спасибо, Касатон! Ты настоящий друг.

– Ничего-ничего! Сева тебе устроит весёлую жизнь. По струнке у него ходить будешь!

– Не сыпь мне соль на рану, а? – попросил я и взялся печатать.

Последние три месяца Александр Малыш проводил тренировки исключительно на полигоне, но никто из нас, несмотря на приход в Новинск минусовых температур, против этого не протестовал. Не могу сказать, будто ряд случившихся осенью... инцидентов был столь уж серьёзен, но замена большей части остекления спортивного зала, пусть да-

же и в складчину, удовольствие не из дешёвых – уж проще немного помёрзнуть, чем свои кровные от сердца отрывать. Иначе никак: от чистого рукопашного боя и противодействия неструктурированным воздействиям мы перешли к работе с полноценными конструкциями, а при их разрушении энергетические выбросы случались слишком часто, чтобы инструктор успевал гасить их все до одного.

Преимущественно приходилось ломать чужие защитные конструкции и удерживать от разрушения собственные, но никто не запрещал и решить поединок старым добрым мордобоем – по сути, мы вернулись к тому, чему нас учили на курсах в комендатуре, только на принципиально ином уровне.

На самоконтроль подопечных Малыш не полагался и привлёк двух помощников из аналитического дивизиона, только поэтому, наверное, обычно и обходилось без травм. Синяки и ушибы за таковые не считались. В промежутках между поединками мы тоже не филонили: подтягивались и отжимались, отрабатывали удары на боксёрских мешках, а броски на товарищах. Работали и в парах, и двое против одного, а того же Матвея Пахоту частенько пытались заломать и втроём-вчетвером. Ну а я помимо всего прочего разбирался с малой полусферой искажений.

Получалось не очень. Честно говоря, вне состояния резонанса – не получалось вовсе, ибо малой она лишь именовалась, а по факту была полноценной структурой, и если ша-

ровую молнию и кинетический экран я освоил относительно быстро, то здесь у меня натуральным образом начинали заезжать шарики за ролики, до того много параметров приходилось одновременно удерживать в голове.

Только это не повод отказываться от тренировок. Дам слабинку, и остальные сразу в отрыв уйдут. Это сейчас они конструкции осваивают, а ещё немного и полноценные структуры изучать начнут. Им-то проще, им-то гипнокодами нужную информацию в голову вложат. На блюдечке всё преподнесут.

Ну да – от такого рода ускорения учебного процесса никто после известных событий отказываться не стал, благо вскрылось всё в летние каникулы. Насколько я знал, в авральном режиме были проверены и при необходимости откорректированы все пакеты гипнокодов, а помимо этого включили в обязательный набор сразу несколько новых: какие-то чистили от мусорных кодов подсознание, какие-то делали оператора невосприимчивым к активизирующим их сигналам. В кои-то веки в ректорате прислушались к доценту Пауку и решили не стричь всех под одну гребёнку. На радостях тот мне четвёрку на пересдаче поставил, кроме билета даже ничего толком не спрашивал больше.

Задействовав адаптивную технику, я потянул в себя сверхсилу и начал упорядочивать потенциал, делая его невосприимчивым к активному излучению Эпицентра. Накопил два десятка мегаджоулей, обратился к намертво зазуб-

ренным командам и, будто тяжеловес неподъёмную штангу, вытолкнул из себя энергию, но не просто так, а по каналам формируемой структуры.

Пространство исказилось, расправились силовые экраны, заколыхались энергетические жгуты, протянулись стянутые узлами каналы. Есть контакт!

Хлопнуло! Вспыхнуло! Земля вокруг покрылась оплавленной корочкой!

Зараза, и минуты не продержался! А ведь чувствовал, что в этот раз точно получится!

Кто-то зааплодировал, кто-то засвистел, ну это как водится – развлечься за чужой счёт у нас всегда готовы. Ладно хоть ещё из-за дрянной погоды сегодня на полигоне не было студентов.

– Стабильность признак мастерства! – заржал Митя Жёлудь.

– Идите вы! – отмахнулся я, не принимая смешки близко к сердцу. В конце концов, в состоянии резонанса эту конструкцию контролирую с каждым разом всё лучше, а в Новинске меня ещё и активное излучение Эпицентра сбивает.

Вот-вот! Всё дело в излучении!

– Мы пойдём, – кивнул Максим Бондарь. – Но ты тоже давай с нами. Все идём в кабак!

– Чего это ещё?

Макс расплылся в самодовольной улыбке.

– Я назначение в Пограничный корпус получил!

Митя Жёлудь склонился к моему уху и тихонько шепнул:
– Не получил, а выплакал!

Он определённно знал о переводе заранее, а вот для остальных это известие стало столь же неожиданным, как и для меня.

– Ого! – присвистнул Илья Полушка. – И на какую границу отправят?

– Не знаю пока, – пожал плечами Бондарь. – В конце месяца в столицу на курсы повышения квалификации поеду, а там видно будет.

– Старшего вахмистра дадут? – уточнил Сергей Клевец.

– Дадут, – подтвердил Макс.

Карл вздохнул, и я пихнул его в бок.

– Ты-то чего вздыхаешь, товарищ без пяти минут кандидат-лейтенант?

– Да не в звании дело! У нас сейчас преддипломная практика начнётся, потом защита и сразу распределение. Маринка предлагает на кафедре остаться, а у меня учёба уже вот где сидит! – Он для наглядности указал себе на горло. – Я в армию хочу! В СЭЗ!

Все уже двинулись с полигона в спорткомплекс, так что я с ухмылкой спросил:

– А Маринку, значит, больше не хочешь? Ей-то ещё учиться и учиться.

– Ой, не трави ты мне душу! – разозлился здоровяк. – Уже всю голову сломал, как быть!

– Отслужи пару лет в корпусе, – предложил я.

– Пустая трата времени!

– В особом-то дивизионе?

– Ну... – протянул Карл. – Так-то нет. Но возьмут меня туда?

– Не бойсь, я за тебя словечко замолвлю.

– Очень смешно!

В спорткомплексе мы надолго не задержались, никто даже в душе не завис: не так уж и холодно сегодня на улице было, не успели толком замёрзнуть – всё же не на одном месте стояли, двигались постоянно.

Вопреки обыкновению Матвей Пахота сегодня решил составить нам компанию, Митя по такому случаю не удержался и залез ему под кожу:

– Неужто Варенька не заругает?

Громила снисходительно глянул в ответ и положил свою лапищу на плечо пареньку; того аж перекосило.

– Перевод товарища не грех отметить, не дурная пьянка, чай! – веско произнёс он, и Митя проявил благоразумие, оставил здоровяка в покое.

После тренировок мы изредка захаживали в кафе «Под пальмой» и раньше, но в столь пёстром составе прежде там не появлялись ни разу: Бондарь, Полушка и Клевец были в форме бойцов ОНКОР, китель Пахоты отмечали нашивки сержанта милиции, а пиджаки всех остальных – значки сту-

дентов РИИФС. И Мити Жёлудя в том числе. Его зачислили сразу на второй курс, благо за плечами у протезе Городца была не только спецподготовка, но и оконченное экстерном среднее специальное энергетическое училище.

Мы сдвинули два стола, и Макс заказал всем по кружке пива. От выпивки отказался только Матвей, он остановил свой выбор на чае.

– Варенька заругает? – повторил свой вопрос Жёлудь, благо разумно расположившийся на противоположном от гротомилы конце стола.

Тот спокойно покачал головой.

– Я, Митенька, с выпивки дурею и контролировать себя перестаю. А шуток так и трезвый не понимаю.

– Понял-понял! Молчу!

Пока несли пиво, я обменялся взглядами с Бугром и Занозой, но те играть в гляделки оказались не расположены, сразу расплатились и ушли. Жалоб на них после возвращения из учебного центра ОНКОР не поступало, да и с Северяниным они отношений, насколько я знал, больше не поддерживали. То ли всерьёз разобиделись на него, то ли он сам окончательно променял старых дружочков на участие в студенческом самоуправлении и миниатюрную блондиночку, с которой так и продолжал крутить роман.

– Как думаете, будет война с Суомландией? – спросил вдруг Карл. – В газетах пишут, переговоры о территориальном размене зашли в тупик!

– Хорошо бы с ними по квитаться, – вздохнул Сергей Брак, – но мы сейчас свои позиции в Закасии восстанавливаем, не до того.

– Никаких позиций мы не восстанавливаем! – рубанул ребром ладони по столу Илья Полушка. – Мы приняли во внимание волеизъявление трудящегося класса и пришли защитить пролетариат от угнетения со стороны Султаната и местных реакционных кругов!

– А ещё там есть нефть... – будто между прочим отметил ассистент Альберта Павловича и приложился к кружке с пивом.

Карл покачал головой.

– Думаю, дело не только в ней. Мы ведь ещё и единоверцев защищаем, а это большой плюс в отношениях с церковью!

– Каких ещё единоверцев? – недоумённо уставился на него Митя. – Откуда они там?

Здоровяк постучал себя пальцем по лбу.

– Ну ты вообще! А Хайк и Сакартвело как же?

Приятели-пролетарии тут же обвинили Карла в политической незрелости, тот в долгу не остался и попенял им на отсутствие кругозора и общую зашоренность. Но это – обычное дело, это – как всегда.

Макс Бондарь участия в споре не принимал, сидел и тихонько цедил пиво. Митя Жёлудь толкнул его в плечо.

– Ты чего такой скучный? На повышение идёшь! Радоваться надо!

– Да просто неопределённость расслабиться не даёт. Всё ж ещё переиграть могут!

– Приказ на руках есть? Ну и чего ты тогда?

– Ну вот схлестнутся наши всерьёз с Султанатом, и отменят все переводы. Скажешь, не может быть такого? То-то же!

Бондарь поднялся из-за стола и двинулся к уборной, а Митя перебрался поближе ко мне.

– Неопределённость у него, как же! Да это Вяз перевод выбил! Он в штабе Пограничного корпуса сейчас. Слышал?

– Слышал, – подтвердил я.

– А о том, что Вяз к себе и Малыша звал?

Вот это стало новостью, но удивления я не выказал, лишь небрежно спросил:

– Малыш отказался, надо понимать?

Митя ограничился кивком, поскольку в этот момент к нам пересел Сергей Брак. Ассистент Альберта Павловича выставил перед собой три кружки с пивом и предложил угощаться, после чего негромко произнёс:

– В последнем улове попало кое-что интересное.

Мы посмотрели на него в ожидании продолжения. С расспросами спешить не стали по той простой причине, что речь точно шла об одном из конспектов с описанием сомнительных практик или киноплёнке с самопальными гипнокодами. Такого рода материалы до сих пор изымались у несознательных студентов по нескольку штук в день, а студенты сознательные и вовсе сдавали это добро пачками. Специалисты

не успевали анализировать их, отчёты приходили на кафедру кадровых ресурсов с задержкой в неделю, а нередко и в две. Полгода минуло с тех пор, как на заседании студсовета впервые этот вопрос подняли, а проблема до сих пор не решена. Такое впечатление – море вычерпать пытаемся.

Митя хлебнул пива, я последовал его примеру, Сергей надулся.

– И никаких предположений не будет? – спросил он с нескрываемым раздражением.

Я хмыкнул и указал на Жёлудя.

– Он что-то нарыл и тебе напрямую передал.

– С чего ты взял? – удивился Брак.

– Да просто через меня давно уже ничего принципиально нового не проходило.

Ну да – пусть поток самиздата и не оскудевал, но процесс выискивания в нём оригинальных разработок чем дальше, тем сильнее напоминал попытку намыть золотой песок. Самородков и вовсе давно уже не попадалось – в первые месяцы все выбрали. Точнее – всех. В ректорате, такое впечатление, и не подозревали даже, сколько талантливых разработчиков на непрофильных факультетах учится. Но доморощенными гениями занимались на кафедре кадровых ресурсов, а Сергей затеял этот разговор точно неспроста – не иначе ниточка повела куда-то за пределы родных пенатов. Это как раз Митин профиль, точнее, его кураторов из контрольно-ревизионного дивизиона.

– А вот и не угадал! – расплылся Митя Жёлудь в довольной улыбке. – Ничего я ему не давал!

– Не совсем так. – Сергей Брак улыбнулся ещё даже более самодовольно. – Помнишь структуру, которая якобы позволяет видеть сквозь одежду?

Жёлудь чуть пивом не поперхнулся от изумления, да я и сам озадаченно хмыкнул. Тот пакет гипнокодов улучшал восприимчивость оператора к инфракрасному излучению, а ещё сплетал в единое целое тепловидение и сканирование пространства активным энергетическим излучением. Как говорили, вкупе с малой толикой самообмана результат в ряде случаев оказывался весьма близок к обещанному, вот только при наличии латентных способностей к ясновидению риск эпилептического припадка зашкаливал за все разумные пределы.

– Ага! – вскинулся Митя. – Получается, не из-за криворукости разработчика людей корёжило! – решил он и прищипнул. – Во дела!

– Пока непонятно, – покачал головой Сергей. – Другое интересно: изъятая в училище киноплёнка была записана не в кустарных условиях!

– Получается, её извне вбросили? – предположил Митя и азартно подался вперёд. – Преднамеренно!

– Не факт, – хмыкнул я. – Это у студентов имеется возможность институтское оборудование использовать, в училище ничего такого нет. Разработать и собрать пакет кодов

там какой-нибудь умник ещё мог, а вот в подготовке киноплёнки без посторонней помощи ему было никак не обойтись.

– Именно! – прищёлкнул пальцами Сергей. – Зацепка так себе, отрабатывать её станут в последнюю очередь, если все станут, так почему бы нам не проявить инициативу?

– Завтра со знакомыми поговорю! – пообещал Митя.

У него даже глаза загорелись, а вот я только вздохнул.

Инициатива – это палка о двух концах. Сначала одним прилетит, потом ещё и другим наподдадут, чтобы неповадно было.

Так вижу.

Глава 3

По иронии судьбы перепало мне на следующий день за отсутствие инициативы. Касатон Стройнович окончательно перебрался в горком, пришлось нести документы на подпись председателю студсовета, а того успел накрутить Евгений Вихрь – вот я и огрѐб за возврат в Службу охраны дела Вахтанга Рогоза.

Нельзя перекладывать работу на коллег, формализм недопустим, наше дело – разобраться в мотивах и помочь человеку встать на путь исправления! И так далее и тому подобное аж на четверть часа. На Касатона-то не шибко и покричишь, ну а со мной Всеволод сдерживаться не посчитал нужным, ладно хоть ещё на личности переходить не стал.

Только поэтому я его куда подальше и не послал. Постоял, послушал, покивал, пообещал подумать о своём поведении и впредь таких просчётов не допускать, а ещё – в кратчайшие сроки предложить решение проблемы.

Ну а что я ещё мог сказать? Всеволоду – ничего. Другим людям своё «фи» выскажу. За мной не заржавеет. Но не так сразу, всему своё время. А пока что пора было ехать на Кордон.

На проходной столкнулся с Митей.

– Слышал? – задал он мне свой излюбленный вопрос и сунул газету. – Читал, в смысле?

– Дай глянуть, – попросил я, забирая газету.

– Нашу заставу на границе с Суомландией обстреляли! – объявил Жёлудь, не позволив спокойно ознакомиться с передовицей.

– И что с того? – хмыкнул я. – Монархисты, поди, шалят?

– Из артиллерии обстреляли! – всплеснул руками Митя. – Из артиллерии, представляешь?!

Я представлял, потому и поёжился.

– Надо было с ними сразу разбираться, как интервентов разбили! – высказался в сердцах.

Митя кивнул.

– Надо было, – согласился он со мной. – И сейчас ещё не поздно!

– Ладно, побегу, – вздохнул я.

– А ты куда? – удивился парень. – С нами по фотомастерским не пойдёшь разве? Я набросал списочек, где киноплёнку с гипнокодами могли оформить.

– Вы сегодня идти собрались? Не, тогда без меня. Вечером только вернусь.

В Новинске мела метель, а на Кордоне лил дождь, но я не счёл за труд ознакомиться со сводкой погоды, поэтому вместо пальто надел кожаный плащ, а туфлям предпочёл тяжёлые ботинки. Пусть вид у них не слишком презентабельный, зато не промокну, да и грязь очистить труда не составит. А грязи и вправду было хоть отбавляй: наш автобус еле

полз по трассе, поездка заняла едва ли не в два раза больше времени против обычного. Но – доехали.

Высадили меня у госпиталя, и первым делом я навестил Рашида Рашидовича. Рассчитывал просто сдать свои рекомендации по заокеанским соискателям, а в итоге принял к сведению ряд замечаний реабилитолога и под его мудрым руководством внёс в материалы необходимые правки, после чего перепечатал всю текстовку наново.

Провозился до двух часов пополудни. Мог бы и дальше корпеть, но на очередное обследование привезли наших подопечных. На сей раз комиссариат иностранных дел организовал всё по высшему разряду и привлёк сразу двух переводчиков, поэтому на мою долю осталась чисто техническая работа по сбору предварительных результатов осмотров, сравнению их с предыдущими показателями и согласованию с Рашидом Рашидовичем оперативной корректировки листа процедур.

Вымотался за три часа просто жутко, а только купил в буфете стакан чая, на глаза немедленно попались знакомые соискатели. Я помахал им рукой и полез за бумажником.

– Джон! Крис!

– Пьер!

Мы обменялись рукопожатием, и Крис взялся пересчитывать причитающиеся ему за револьвер деньги, а Джон сказал:

– Водка!

– Спирт! – поправил я его и добавил: – Два литра! –

для верности выставив соответствующее количество пальцев.

– Пять! – потребовал иностранец, и мы сошлись на четырёх, благо все необходимые документы на отпуск спирта уже были на руках.

Мне вручили сто рублей, и большую их часть я без зазрения совести прикарманил, поскольку в кассу по квитанции пришлось внести лишь двадцатку. По пути со склада уединился в уборной и обернул все четыре бутылки газетными листами, дабы те не звенели и случайно не побились друг о друга. Когда отыскивал иностранцев, Крис сразу отчалил с добычей, а вот Джон придержал меня за руку, вручил пару мятых листков и принялся совать деньги. Не рубли – доллары.

– Новинск! – несколько раз повторил иностранец и для верности ткнул куда-то себе за спину. – Новинск!

Сообразив, что имею дело со списком покупок, я жестом потребовал иностранца умолкнуть, вытянул из портфеля предусмотрительно прихваченный в поездку словарик и принялся выискивать в нём незнакомые слова.

По мере ознакомления с перечнем обводил то, что реально было найти на Кордоне, а заодно зачёркивал те наименования, отыскать которые не представлялось возможным даже в Новинске. После на одном из листков набросал простенькую схему, отметил на ней корпус, куда заселили иностранцев, и провёл пунктир до крупнейшего в поселении

универмага.

– Там всё есть!

Джон понятно закивал и убрал листок в карман, но доллары всё же всучил.

– Обменяй! – то ли попросил, то ли даже потребовал он и сбавил напор, улыбнулся. – Пять к одному? Нормально?

«Эдак он меня завербует в самые кратчайшие сроки», – подумал я, а вслух сказал:

– Нормально! – Наскоро пересчитал банкноты и объявил: – Сто долларов принял, пятьсот рублей верну.

Джон хлопнул меня по плечу и поспешил на выход, а по пути ухватил за руку и потянул за собой одного из соотечественников, который что-то сбивчиво втолковывал симпатичной медсестре. Та определённо не понимала ни слова, но терпеливо внимала гостью из-за океана и радушно улыбалась.

Судя по тому, что изрядную часть списка покупок занимали косметика и бижутерия, времени иностранные соискатели не теряли и уже вовсю подбивали клинья к отечественным красоткам, а это было чревато совершенно ненужными осложнениями. Об этом стоило предупредить Городца. И не только об этом.

Я кивнул, соглашаясь со своими мыслями, и поднялся к Рашиду Рашидовичу, забрал согласованные реабилитологом рекомендации, сделал по итогам сегодняшних обследований несколько рукописных пометок и отправился на при-

ём к Звонарю.

Намеревался отдать отчёт Нюре, но не тут-то было.

– Макар Демидович просил зайти, – объявила конопатая барышня.

Быстрый взгляд на часы заставил меня поморщиться, но деваться было некуда, я указал на дверь в кабинет доцента.

– Свободен?

Нюра покачала головой.

– Совещание идёт.

Я с обречённым вздохом опустился на стул, достал из портфеля свои сегодняшние записи и принялся разбирать их, структурировать и проставлять отметки напротив фамилий заокеанских соискателей. Картинка получилась небезынтересная.

Минут через сорок дверь кабинета наконец распахнулась и его покинули несколько ведущих специалистов Службы реабилитации, следом вышли главврач госпиталя и оба его заместителя. Макар Демидович выглянул в приёмную и махнул мне рукой.

– Заходи! – После попросил: – Нюра, два чая!

Я взял со стола свой сегодняшний отчёт и вручил его доценту. Тот устроился в кресле, начал бегло просматривать записи, заодно потребовал:

– Вкратце ситуацию обрисуй.

– За океаном есть какая-то система отбора соискателей! –

поделился я своими подозрениями, не став ходить вокруг да около. – Не знаю, использовали они собственные наработки или привлекли иностранных диагностов, но так или иначе людей прислали не случайных.

Звонарь глянул на меня поверх листов, хмыкнул:

– Излагай! – и вновь вернулся к изучению отчёта.

– Во-первых, ни один из тридцати соискателей не спёкся, – начал я перечислять, загибая пальцы. – Во-вторых, кардинального ухудшения показателей после нескольких дней в зоне активного излучения Эпицентра ни у кого не зафиксировано. Негативная динамика, разумеется, присутствует, но весьма умеренная. В-третьих, изначально в красную зону зачислили только пятерых и ещё одного добавили сегодня. Всего двадцать процентов от общего количества, и то есть все шансы дотянуть их до нормы.

Макар Демидович кинул листки на стол.

– Надо понимать, распределение по зелёной и жёлтой зонам тоже не сильно хуже, чем мы имеем по отечественным соискателям, прошедшим предварительный отбор? – предположил он.

– Перспективных как раз существенно меньше, – покачал я головой. – В основном прислали середнячков.

– Они не только для нас середнячки, – усмехнулся Звонарь, – но и для любых других источников в норму укладываются. Усреднённые. Универсальные. Не заточенные исключительно на инициацию в Эпицентре. Да, тут есть о чём

подумать. – Он достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку и сделал в ней какую-то отметку, затем убрал мой отчёт в портфель и спросил: – Ну а сам ты как?

– Мощность – семьдесят пять киловатт, длительность резонанса – сто одна секунда, – сообщил я, с гордостью добавил: – За это время генерирую сто двадцать мегаджоулей. – И уже без всякого воодушевления вздохнул: – Потенциал, правда, не шибко большой удерживаю.

– Процентом двадцать держишь, если без напряжения? – предположил Макар Демидович.

– Чуть меньше.

– Нормально, – уверил меня доцент. – Специфика развития у тебя такая, ничего не попишешь. Студенты в своих тепличных условиях и то далеко не всегда выше показатели демонстрируют. Присвоением разрядов мотивировать приходится!

– Ну, мне разряды не светят, – усмехнулся я.

– Тебе и не нужно! – отмахнулся Звонарь и уточнил: – Что с работой со входящим потоком при потенциале в противофазе? Есть подвижки с повышением КПД?

– Есть, – подтвердил я и нехотя признал: – Но до практического применения этой техники ещё далеко.

– К слову о практическом применении! – остро глянул на меня собеседник. – Как твоя группа? Готова к полевой работе?

По спине пробежал холодок, но ответил я без малейших

колебаний:

– Так точно!

– Это хорошо, – кивнул Звонарь. – А то начинают вокруг меня деятели из особого дивизиона круги нарезать. Где и каким образом вас намереваются задействовать, не говорят, но складывается впечатление, что планы на этот счёт у них имеются самые что ни на есть конкретные.

Где и каким образом задействуют нашу группу?

Я мысленно усмехнулся.

А куда могут кинуть диверсантов, сплошь настроенных на источник-девять? Но это даже хорошо. Пустить кровь ни-хонцам – это я всегда готов. Можно даже сказать – с радостью.

Вспомнился отряд семьсот тридцать один, накатила дрожь, но я совладал с ней, никак не выказал охватившего меня волнения.

– И вот ещё что... – вздохнул Звонарь и постучал пальцами по столу. – Ты как свою будущую карьеру видишь?

– Едва ли я смогу повлиять на распределение, – хмыкнул я в ответ. – Я даже на свой учебный план повлиять не в состоянии! Ладно ещё высшая математика с геометрией, но от физики скоро ум за разум зайдёт!

Доцент нахмурился.

– Не ты ли в прошлом году высказал желание заниматься наукой?

– Я, но...

– Передумал?

– Нет!

– Вот и занимайся!

Я глубоко вздохнул, собрался с мыслями и решил переменить тему.

– Герасима с нами отправят или...

– Не ко мне вопрос, – покачал головой Макар Демидович, поднимаясь из кресла. – Меня особый дивизион в свои планы не посвящает.

Я позволил себе в словах собеседника усомниться, но приставать с неуместными расспросами конечно же не стал. Накатил какой-то совершенно иррациональный мандраж, а с чего – не понятно.

Не первый же раз! Да и выезд не прямо сейчас и даже не завтра! Когда-нибудь потом!

– Макар Демидович, а вас на приём к Врану, случаем, не пригласили? – спросил я в некоторой степени неожиданно даже для себя самого.

Доцент, который уже снял с вешалки пальто, удивлённо оглянулся:

– С какой целью интересуешься? – уточнил он, продевая руки в рукава.

Изображать скромность не было смысла, и я сказал прямее некуда:

– Просто подумал, вдруг и для меня пригласительное раздобыть получится?

– Даже так? – поразился Звонарь. – Не замечал за тобой прежде тяги к светским раутам!

Я развёл руками.

– Там будет одна интересующая меня особа.

– В личном или профессиональном плане интересующая?

– В личном.

Макар Демидович неодобрительно покачал головой.

– И охота только в этот серпентарий лезть!

Но от нравоучений он воздержался, вместо этого выдвинул верхний ящик стола и достал два изукрашенных золотым тиснением пригласительных. Одно, на котором я успел заметить его фамилию, Звонарь разорвал надвое и выкинул в корзину для бумаг, на втором вписал в пустую графу «Пётр Линь».

– Держи!

– Спасибо! – поблагодарил я доцента и едва удержался от улыбки при мысли о том, как поразится моему появлению на приёме Ника.

Макар Демидович пристально глянул и посоветовал:

– Оденься только прилично. Там по одежке не только встречают, но и провожают, до твоего ума никому дела не будет. Одежда, лоск и должность. Сплошная показуха! – Он вздохнул. – Но, может быть, и выйдет толк. Людей посмотришь, себя покажешь. Знакомства полезные заведёшь.

– А сами вы чего? – указал я на корзину для бумаг.

Звонарь улыбнулся – не могу сказать, будто зло, скорее

просто недобро, и лишь покачал головой, ничего не став объяснять.

– Ты в Новинск сейчас? – спросил он.

– Хотелось бы, – вздохнул я, взглянув за окно.

– Тогда собирайся. У меня с утра важная встреча, в городе переночую. – Макар Демидович снял трубку телефонного аппарата и трижды крутанул его диск. – Нюронька, найди Рашида, предупреди, что мы уже выходим.

Я обрадовался было тому, что домчусь до Новинска со всем комфортом, но в приподнятом расположении духа пребывал ровно до тех самых пор, пока служебный автомобиль не проскочил через блокпост и не покатил по трассе в гордом одиночестве, не став дожидаться попутной автоколонны.

– Вы чего?! – возмутился я. – В тёмное время суток...

Звонарь лишь похлопал меня по плечу.

– Беру ответственность на себя.

– Это нам чрезвычайно поможет, когда на диверсантов нарвёмся, – пробурчал я себе под нос, но мою реплику проигнорировали.

Расположившийся на переднем пассажирском сидении Рашид Рашидович начал мирно посапывать, шофёр напряжённо вглядывался в непроглядный мрак – именно во мрак! фары он погасил сразу, как только мы покинули Кордон – а Макар Демидович смежил веки, но, судя по едва уловимым возмущениям энергетического фона, в отличие от реабили-

толога не подрёмывал, а сканировал окружающее пространство.

Вкладывал доцент в поисковые воздействия сущие крохи сверхсилы, моё вмешательство лишь внесло бы дисгармонию в эту воистину ювелирную работу, так что я к активным техникам обнаружения засад прибегать не стал, вместо этого задействовал своё пришибленное активным излучением Эпицентра ясновидение да начал потихоньку набирать и упорядочивать потенциал.

Но – обошлось. Добрались до города без происшествий, всего урона – сгоревшие нервные клетки. Ну его к лешему такие поездки.

Так я об этом Звонарю и сказал, а тот лишь благодушно рассмеялся в ответ.

– Вот когда станешь начальником моей охраны, тогда и будешь кишки мотать, а пока – цыц!

Пришлось заткнуться.

Всю первую половину дня субботы я стажировался у Рашида Рашидовича в травматологии, после традиционно убыл на аэродром при учебном корпусе ОНКОР, чтобы ничуть не менее традиционно прожариться в Эпицентре, и на без малого двое суток покинуть зону его активного излучения.

Думал, Герасим Сутолока затеет разговор о грядущей проверке в боевых условиях, но тот за эти дни и словом ни о

чём таком не обмолвился. Я даже заподозрил, что его в эти планы попросту не посвятили. Иначе если б и не намекнул, то взглядом бы точно себя выдал, а тут ничего. Очень интересно.

У меня аж под ложечкой посасывать начало. Вроде давно ко всему готов и всякое повидать успел, но разнервничался, и всё тут. Возникло даже подозрение, будто предупредил меня Макар Демидович отнюдь не по доброте душевной, а из желания оценить психическую устойчивость.

Ладно! Ладно! Пусть оценивают!

Я спокоен!

Ну – почти.

Отзанимались в любом случае без эксцессов, неплохие результаты продемонстрировали. Как минимум – не хуже обычных.

Всю первую половину понедельника я провёл на курсах ОНКОР, а прямо из учебного центра ОНКОР отправился в городские бани, где побрился и постригся, а затем добрых два часа отмокал, откисал и отмывался в преддверии приёма у Вранов. После сидел в буфете. Там и набрался смелости признаться самому себе в том, что все эти дни был на нервах отнюдь не из-за грядущего боевого задания, а исключительно в силу скорого визита к заместителю республиканского комиссара промышленности. Засомневался даже, стоит ли вообще туда идти.

Ну в самом деле – кому и что я хочу доказать?

Произвести впечатление на Нику? А смысл? Круг общения у нас предельно разный, и ничего в этом плане менять я не собираюсь, поскольку контингент той же «Лиры» вызывает откровенное отторжение. Опять же самозванцем себя ощущаю. Неудобно как-то к незнакомым людям домой заявляться, даром что пригласительное в полном порядке.

Измаялся в общем, собираюсь. Даже Мишу Поповича отчитал, что он к занятиям со мной халатно относится. У Нигилиста прямо-таки глаза на лоб полезли от изумления, а Милена из-за его спины большой палец показала.

– Ну знаешь ли, Петя, – надулся сосед, – я к тебе в репетиторы не нанимался!

– Не нанимался, – подтвердил я. – Но пообещал, а это даже серьезней! Вот завалю я экзамен, и будет тебя совесть мучить!

– Не завалишь, – покачал головой Миша не слишком, впрочем, уверенно. – На трояк, поди, вытянешь.

– Пете этого мало, – улыбнулась Милена, подступила ко мне, поправила галстук и спросила: – Ты куда такой нарядный собрался?

– По делам, – уклонился я от прямого ответа и взглянул в зеркало, желая оценить, как сидит костюм, пошитый у Бориса Марковича.

– Да красавец! Красавец! – уверила меня Милена, а Миша Попович обиженно надулся.

Смотрелся костюм и в самом деле ожидаемо превосход-

но, к сорочке и шёлковому галстуку претензий тоже возникнуть не могло, а довершали мой образ надраенные до блеска туфли, платиновые запонки и зажим. Верхнюю одежду, решив поймать таксомотор, я надевать не стал, ограничился кепкой и перчатками.

– Ни пуха ни пера! – напутствовала меня Милена.

– К чёрту! – ответил я, спустился на первый этаж, вышел на улицу, а там холодком всего так и пробрало – уже и не разобрать, ветерок студёный под пиджак забрался или это нервное.

А-а-а, к чёрту! Если продолжу нюни распускать, можно прямо сейчас разворачиваться и домой возвращаться.

Встречают по одежке? Всё так, да только выражение лица наряду соответствовать должно, иначе толку не будет. И уж на что паршиво в занятой монархистами «Астории» себя чувствовал, но ведь не дал слабину! А значит, и тут справлюсь!

По дороге я погрузился в лёгкий транс и в «посольский» квартал приехал уже собранным и спокойным, будто не в гости иду, а на боевое задание в логово врага. Сомнения и неуверенность укатили прочь вместе с отчаянно чихавшей движком колымагой, а я поднялся на крыльцо и продемонстрировал вахтёру пригласительное. Точнее даже не вахтёру, а молодому человеку с цепким взглядом, который составлял тому компанию.

– Знаете, куда идти? – уточнил тот, возвращая прямо-

угольник тиснёной золотом бумаги.

– Не доводилось ещё здесь бывать, – сознался я.

– Верхний этаж.

– Благодарю.

В доме был лифт, но я предпочёл воспользоваться лестницей. Дверь единственной квартиры пятого этажа стояла распахнутой настежь, служанка приняла у меня кепку и перчатки, я погляделся в зеркало, поправил расчёской волосы и прошёл в гостиную. Та в самый первый момент показалась просто огромной. Высоченный потолок с лепниной, хрустальная люстра, наборный паркет. Бальная зала, да и только! Ещё и рояль в одном из углов уместился!

Я намеренно припозднился на четверть часа, но гости только-только подходили, и конечно же чертовка Вика немедленно меня углядела. И не просто углядела, но и помахала рукой, да ещё что-то сказала эффектной блондинке в вечернем платье. Надо понимать – мачехе. Та порывисто развернулась и жестом подозвала молодого человека лет тридцати на вид, смазливого и какого-то скользкого, кивком указала тому на меня.

«Секретарь», – сообразил я, перехватил полный раздражения и укоризны взгляд встречавшей гостей вместе с родными Ники, и с тоской отметил, что секретарь её папеньки всерьёз вознамерился выставить меня отсюда взашей. Смазливый-то он смазливый, но отнюдь не размазня. Решительности и уверенности в собственных силах – хоть отбавляй.

– Будьте добры, ваше пригласительное! – потребовал он.

Сунуть руку во внутренний карман я попросту не успел, в этот самый миг на меня накинудись со спины.

– Петя! – рассмеялась невесть откуда взявшаяся Лия, и от её звонкого голоса зазвенело в правом ухе. – Вот уж не ожидала тебя тут встретить!

– И сам не ожидал здесь оказаться, – улыбнулся я и поцеловал её в щёку, после чего отстранился и обернулся к секретарю. – Вы что-то хотели?

– Ваше пригласительное... – повторил молодой человек уже без былого напора в голосе.

– Конечно! – Я вручил ему прямоугольник бумаги с золотым тиснением и с усмешкой протянул руку Герасиму. – Привет! Давно не виделись!

Тот озадаченно хмыкнул и взял меня под локоть.

– Думаю, нам есть что обсудить. – Он повернулся к невесте. – Лия, ты нас извинишь?

– Конечно! – улыбнулась барышня и поспешила засвидетельствовать почтение хозяйке.

Секретарь попытался вернуть мне пригласительное, но я лишь небрежно отмахнулся.

– Оставьте себе!

У дальней стены стояли фуршетные столы, вот к ним Герасим меня и подвёл.

– Как тебе удалось раздобыть пригласительное, спрашивать не стану, – произнёс он, беря бокал с шампанским, –

вопрос исключительно в том, зачем тебе это понадобилось.

Игристого вина мне категорически не хотелось, я попросил налить содовой и с улыбкой сказал:

– Личный интерес, знаешь ли.

Герасим проследил за моим взглядом – именно в этот момент Ника и запечатлела нас на портативную фотокамеру, которая нисколько не вязалась с её вечерним туалетом. Я отсалютовал бокалом с содовой, а мой старший товарищ вздохнул.

– Только не говори, что это и есть твой личный интерес.

– Почему нет?

– Знаком с ней?

– Мороженым угощал.

Герасим снова вздохнул.

– Кондрат Семёнович такому зятю точно рад не будет, – покачал он головой.

– Считаешь, мои шансы заинтересовать её выше, чем в кратчайшие сроки сделать головокругительную карьеру? – усмехнулся я в ответ.

– Сложно сказать. Чужая душа – потёмки! – заявил Герасим и поставил на стол пустой фужер. – Извини, я тебя оставлю...

Гости прибывали всё активней, я заметил проректора по развитию РИИФС, а ещё – супругов Хариус. Вот тогда-то едва и не облился содовой, поскольку сопровождали тех Марина и Карл. Привлекать к себе внимание товарища я не стал

и поспешил отвернуться, благо просторная комната уже наполнилась людьми, и никто из вновь прибывших не обратился на меня никакого внимания. Да было бы странно, если бы обратили: как раз в этот момент распахнулась дверь кабинета, и в гостиную начали выходить важные господа, а появившийся следом Кондрат Семёнович стал радушно приветствовать гостей.

Среди тех, кто имел приватную беседу с хозяином, оказался и худощавый загорелый дочерна мужчина с наголо бритой головой. Комиссар Хлоб двинулся напрямик к фуршетным столам, встал рядом и неодобрительно оглядел бутылки шампанского, после указал на фужер в моей руке.

– Мне того же.

– Добрый вечер, товарищ комиссар! – первым поздоровался я с ним.

– Вечер! – кивнул Хлоб, сделал глоток содовой и спросил: – Ну и что ты опять натворил, если на тебя характеристику запросили?

– Даже так? – поразился я. – Не поверите – с прошлого лета сижу тихо как мышь под веником!

Комиссар смерил меня пристальным взглядом и кивнул.

– Всё верно: не поверю. Ты ведь сейчас здесь, а не под веником.

Подошли ещё двое: проректор по воспитательной работе и сосед Герасима, с которым в своё время довелось пересечься в одном из ангаров военного аэродрома в окрестностях

Всеблагого. Думал, они решили продолжить общение с комиссаром, но нет – нацелилась эта парочка на меня.

– Вот кто вам нужен, Борис Евграфович! – объявил Первак. – Пётр...

– Сергеевич, – подсказал я, отвечая на крепкое рукопожатие.

– Пётр Сергеевич исполняет обязанности руководителя дисциплинарного комитета студсовета! – легко и непринуждённо повысил меня в должности проректор. – Знает, так сказать, ситуацию изнутри.

Борис Евграфович протянул руку, и сколь ни был я поражён неожиданным поворотом событий, всё же не промешкал и её пожал.

– Видите ли, Пётр, – обратился ко мне Борис Евграфович, – моё ведомство заинтересовано в привлечении молодых перспективных специалистов. Разумеется, компетентные органы проверяют всех кандидатов, но хотелось бы уйти от формального подхода и понять, чем они дышат. Нам не интересны те, кто станет просто отбивать свой номер. Нам нужны те, кто будет гореть работой!

Комиссар Хлоб скрыл ироничную улыбку фужером, но я успел заметить, как изогнулись уголки его губ, прежде чем ответил:

– Конечно-конечно! Направляйте запрос, Борис Евграфович. Обещаю обойтись без формализма.

Тут начались славословия в честь хозяина дома, и всем

стало не до меня. Я перевёл дух и залпом осушил бокал содовой, только наполнил его вновь, и немедленно провозгласили тост в честь хозяйки, а после этого выпили за красавиц-дочерей. Я даже похвалил себя за предусмотрительный отказ от игристых вин – иначе к концу праздника запросто мог опьянеть, а нельзя. Чревато это. Я себя знаю.

Под всеобщие аплодисменты к роялю прошествовал непонятный усач, и стоило лишь его пальцам пробежаться по клавишам, все разговоры как отрезало, даже меня проняло. А вот когда после выступления пианиста начала под аккомпанемент струнного квартета выводить рулады дива Новинского оперного театра, я заскучал и взялся разглядывать гостей.

Как ни странно, но, вопреки моим первоначальным опасениям, молодёжи среди приглашённой публики оказалось не так уж и мало, на общем фоне я нисколько не выделялся. Карл и вовсе углядел меня, лишь когда мы случайно столкнулись лоб в лоб.

– О-о-о! – округлил он глаза.

– Тебя как сюда занесло? – упредил я его вопрос.

– Так я это... – Здоровяк обернулся за поддержкой к Марине Дичок.

– Меня тётя Эльвира с собой позвала, а я одна идти не захотела, – с улыбкой пояснила та.

– Тётя? – озадачился я.

– Двоюродная, – уточнила Марина и потянула Карла. –

Мефодий, идём!

Тот потопал следом, даже не оглянулся.

«Вот так и становятся подкаблучниками», – мысленно посоветовал я, а когда заиграли танцевальную мелодию приглашённые музыканты, поискал глазами Нику, но ту уже успел пригласить какой-то хлыщ. Настроения сие обстоятельство мне отнюдь не улучшило, даже захотелось выпить.

Я осмотрел фуршетные столы, но углядел только шампанское и содовую.

Шипучая гадость!

Хлоб перехватил мой взгляд и пальцем поманил к себе. Деваться было некуда, я приблизился, и расположившийся в углу комиссар указал на свободное кресло рядом.

– У нас тут самообслуживание, – сказал он после этого. – Наливай!

На журнальном столике стояла бутылка импортного коньяка, я плеснул немного в пустую пузатую рюмку, после освежил напиток комиссара. Мы выпили, но вопреки моим ожиданиям Хлоб затевать разговора не стал и сидел преимущественно молча, лишь изредка отпуская ехидные реплики в адрес попадавшихся на глаза гостей. В собеседнике он не нуждался, ему требовался слушатель, и я принял правила игры, благо меня они всецело устроили.

Пожалел о том, что составил компанию комиссару лишь раз, когда мимо прошли две дамы в возрасте. Одна из них – стройная и с очень красивым, но каким-то слишком уж хищ-

ным лицом рассказывала спутнице:

– Представляешь, мой благоверный вчера предложил жить втроём: я, он и его конопатая лахудра! Нет, я ничего не имею против веснушек! Это даже пикантно... Но втроём? А как же мои мальчики? Они оба так трогательно в меня влюблены!

– Этот эгоист вечно думает только о себе! Я тебе сразу говорила, что не стоит тратить на него своё время!

Дамы удалились, а комиссар с негромким смешком подсказал:

– Госпожа Звонарь сегодня в ударе.

Вот тогда-то у меня и начало припекать щёки. Уж лучше бы я и дальше продолжал пребывать в неведении о личной жизни своего патрона. Втроём с конопатой Нюрой, ну надо же...

Танцы долго не продлились, вскоре рояль оккупировал разбитной малый, он бойко застучал по клавишам и принялся распевать комические куплеты. После него гостей взялся развлекать фокусник, а гвоздём программы стал номер экзотической танцовщицы. Дальше прозвучало ещё несколько тостов, и вновь музыканты заиграли фокстрот.

– Как девчонкой была вертихвосткой, так вертихвосткой и осталась! – осуждающе буркнул Хлоб, когда на глаза ему попала Эльвира Хариус, которую кружил в танце Дамир Соль.

Я так удивился, что даже нарушил своё затянувшееся мол-

чание.

– Вы так давно знакомы?

– С дядей её работал, – нехотя, как мне показалось, пояснил комиссар и вздохнул. – И если б... – Он замолчал и махнул рукой. – Ну да чего уж теперь!

Хлоб в один глоток осушил рюмку, поставил ту на журнальный столик, и резко перевёл разговор на другую тему.

– Георгий сказал, ты сослуживцем бывшим интересуешься, – произнёс он вдруг. – Маленским, так?

Я чуть коньяк не расплескал, до того оказался поражён неожиданным вопросом. Но не расплескал, рука с рюмкой, можно сказать, и не дрогнула вовсе.

– Интересовался, было такое, – подтвердил я, – но Георгий Иванович сказал в чужие дела нос не совать.

– Да какие там дела! – усмехнулся комиссар. – Просили за него, просили. Но! – Хлоб остро и ничуть не пьяно глянул на меня и лишь после театральной паузы продолжил: – Просили, когда ты уже в институт перевёлся. О чём-нибудь это тебе говорит?

Я кивнул. Если дело обстояло именно так, то Барчука завербовали много позже наших с ним столкновений в учебном отделении комендатуры. Кто-то протянул ему руку помощи, когда Маленский моими стараниями не сумел поступить на курсы младшего начальствующего состава.

– Дыба его сразу выделил, – упрямо заметил я, не желая отказываться от своей версии.

Хлоб рассмеялся.

– А кого ему ещё было выделять? – спросил он, протерев носовым платком бритую макушку. – Тебя или умника Поповича? Даже не смешно. Остроух не справился, до Коросты очередь дойти не успела. Об остальных молчу. Подобрались кадры...

Мне оставалось лишь вздохнуть. Подумал, не спросить ли о личности покровителя Барчука, в итоге решил с этим вопросом повременить и наполнил коньяком рюмки.

Прежде чем успели выпить, подошёл высокий статный господин лет сорока на вид. Несмотря на дорогой костюм, было в его выправке нечто военное, разом сработали рефлексы. Я начал подниматься из глубокого кресла, но меня остановили.

– Сиди, прапорщик! – объявил незнакомец и обратился к комиссару: – Феликс, есть разговор.

Хлоб нехотя встал и взглянул на бутылку.

– Оставь! – сказали ему. – В баре у нашего дорогого хозяина точно найдётся что-нибудь лучше.

– Едва ли, – усмехнулся в ответ комиссар, мотнул головой и будто бы разом протрезвел. – Но мне в любом случае на сегодня хватит.

Они ушли, и только тут я опомнился, опрокинул в себя рюмку и с шумом перевёл дух.

Прапорщик?! Это что сейчас было вообще?!

Впрочем... Я мог правильно угадать род деятельности

озадачившего меня господина, но ошибиться с местом его службы. Если это армейский офицер, то по тамошней табели о рангах я и в самом деле прапорщик. Только откуда бы тогда ему знать меня в лицо?

Я вновь плеснул себе коньяка, и тут же в соседнее кресло плюхнулся раскрасневшийся Герасим. Вроде как собирался перевести дух, но не тут-то было.

– Ли-и-ия! – осуждающе протянул он, когда ему на колени уселась моя бывшая одноклассница. – Веди себя пристойно!

Та и не подумала встать.

– Стесняешься своей невесты? – захлопала она ресницами.

Герасим закатил глаза.

– Мы же в гостях!

Лия фыркнула и поднялась на ноги, а когда я вознамерился освободить ей собственное кресло, только махнула рукой.

– Сиди, Петя! Не собираюсь тут с вами киснуть! – Она вдруг улыбнулась. – Да! Тобой интересовалась хозяйка дома!

– И старшая дочь хозяина дома, – многозначительно добавил Герасим.

– И Ника тоже, – подтвердила Лия.

– И как же вы меня отрекомендовали? – поинтересовался я.

– Навели тень на плетень! – рассмеялась барышня, смахнула с лица кудряшку и вдруг спросила: – А ты Льва давно видел? У него всё хорошо?

Я только руками развёл.

– С лета, пожалуй, не встречались. Никак не получается его дома застать, а в институте он больше не появляется.

В сентябре Лев разорвал договорённости с профессором Палинским, перевёлся из РИИФС в учебный центр ОНКОР и напрочь выпал из моего поля зрения. Как оказалось – не только моего.

– Я ему несколько записок оставила, не зашёл, не перезвонил, – пожаловалась Лия и вздохнула. – Ладно, чего уж там! Веселитесь!

Она оставила нас, Герасим покачал головой, взял бутылку коньяка и пригляделся к потёртой и какой-то очень уж невзрачной этикетке. Мне не удалось отыскать на той ни единого знакомого слова, а вот он даже присвистнул.

– Однако! Ты никак разорил коллекцию Кондрата Семёновича?

– Ну уж нет. Если кто-то и залез в его буфет, мне об этом ничего не известно.

– Это я удачно к тебе присоединился, – усмехнулся Герасим, глянул в сторону фуршетных столов, и один из опекавших гостей официантов немедленно принёс чистую коньячную рюмку.

Мы чокнулись и выпили, я попытался оценить вкус выдержанного напитка как-то по-новому, но никаких дополнительных нюансов для себя не открыл. Да оно и не удивительно – после трёх-то или даже четырёх рюмок!

– И как тебе приём? – поинтересовался Герасим.

– Начинаю понимать, почему отказался идти Звонарь, – заявил я и мысленно улыбнулся двусмысленности своего ответа.

– А! Так это он тебя пригласительным снабдил?

– Ну а кто же ещё?

– Говорят, у него с супругой в очередной раз нелады. Ходят слухи, кто-то из них роман на стороне завёл, – сказал Герасим и вдруг ухмыльнулся: – Петя, твой выход!

Я лишь кисло улыбнулся в ответ.

Подошла Виктория, озорно сверкнула глазами.

– Пётр! Не пригласишь на танец?

– Хулиганы не танцуют, – покачал я головой. – Хулиганы дерутся.

Барышня вмиг надулась.

– Это тебе Ника наплела? – прошипела она. – Ну сейчас я ей устрою!

Вика порывисто развернулась и умчалась прочь, а Герасим вновь приложился к рюмке и улыбнулся.

– Смотрю, на тебя обе сестрички глаз положили!

– Ой, что ты! Тут такая интрига была! – подмигнул я ему и поспешил перевести разговор на другую тему. – К слову, о сёстрах! Я так понимаю, Василий Архипович женат на кухне Эльвиры Хариус?

– Был женат, – поправил меня собеседник. – Она... умерла. Покончила с собой. Давнее дело.

Я поудобней устроился в кресле в ожидании продолжения.

– Ну что ты смотришь на меня? – возмутился Герасим.

– Ещё капельку амброзии? – предложил я.

Отказываться мой старший товарищ не стал. Какое-то время он вертел в руке рюмку, наблюдая за маслянистыми дорожками коньяка, потом вздохнул и произнёс:

– Жена Василия Архиповича навоображала себе невесть что, приревновала его к своей кухне и застрелилась. Вроде как она была слегка неуравновешенной в эмоциональном плане... – И он покрутил поднятой к голове ладонью. – Если понимаешь, о чём я.

– А кто её папенька, если не секрет? Я так понял, с ним Хлоб из комендатуры знаком. Тоже оттуда?

– Папенька её был главой аналитического дивизиона. Умер вскоре после того случая. Сердце не выдержало. А так с ним не только Хлоб, но и Дичок с Городцом работали в своё время. Их потом уже по разным дивизионам раскидало.

Я присвистнул.

– Дела!

Вернулась Лия, ухватила Герасима за руку и чуть ли не силком вытянула из кресла; тот едва коньяком не облился.

– Идём танцевать! – заявила барышня. – Петя, хватит чахнуть! Пригласи кого-нибудь!

Кого-нибудь? Выбор был не так уж и велик, точнее сказать – его не было вовсе. Я ощутил давно вроде бы поза-

бытую неуверенность и наперекор всему двинулся к Нике. На пару шагов опередил нацелившегося на барышню молодого человека и протянул руку.

– Позвольте пригласить на танец...

Ника смерила меня пристальным взглядом, но всё же не отказала.

– И зачем вы здесь, Пётр? – спросила она, когда я положил ладонь на её стройную талию.

– Мне захотелось, – ответил я в общем-то чистую правду.

– И только?

Я посмотрел в серые глаза и улыбнулся.

– А разве этого недостаточно?

– Вы всегда делаете то, что вам вздумается?

– Не вздумается, а захочется. И да, я прилагаю к этому определённые усилия. Следую своим приоритетам.

Ника насмешливо фыркнула.

– Неужто танец со мной – один из них?

– Так и есть. Я ведь здесь!

– Даже не хочу гадать, как вам это удалось!

– Это было просто, – небрежно усмехнулся я.

Барышня ответила пристальным взглядом.

– Для простого студента вы знаете слишком многих приглашённых, а среди них нет случайных людей.

– Вы меня раскусили: я – секретный агент!

– А для секретного агента, Пётр, – рассмеялась Ника, – вы слишком плохо танцуете!

К чести своей, я не только не покраснел, но и за словом в карман не полез, сразу нашёлся с ответом.

– Это лишь маскировка!

Увы, танец подошёл к концу, и Нику у меня немедленно увели. И пусть ни на что изначально не рассчитывал, скомканый и невнятный разговор оставил после себя гаденький привкус разочарования. Я всерьёз вознамерился вновь навязать барышне своё общество, и тут у входной двери началась непонятная суета, слышались громкие голоса, а следом в гостиную ввалилась компания молодых людей. Я насторожился было, но тех здесь знали и более того – ждали. Раздались охи и ахи, начались обнимания с дружескими хлопываниями по спинам и даже сердечными поцелуями.

Поприветствовать вновь прибывших вышел сам хозяин дома.

– Ну-ка дай посмотреть на тебя, восходящая звезда коммиссариата иностранных дел! – обратился он к одному из молодых людей в парадном мундире.

– Скажете тоже, Кондрат Семёнович! – рассмеялся молодой человек, на плечах которого мне удалось рассмотреть непривычного вида погоны с двумя просветами и одной крупной золотой звездой. – В двадцать пять лет всего-то второй секретарь!

– Второй секретарь первого класса! – воздел к потолку палец Вран.

– Получивший назначение в Джунгарию!

– Брось! Через год перед тобой будет открыт весь мир! – Кондрат Семёнович приобнял старшую дочь и рассмеялся. – Не упусти, Ника, этого красавца! А то упорхнёт Кирилл, только его и видели!

Охватившее меня раздражение было насквозь иррациональным, так что я поддаваться ему не стал и вернулся на своё место, но оба кресла уже успели оккупировать какие-то дамочки, да и на журнальном столике не обнаружилось ни бутылки, ни рюмок.

– На ходу подмётки режут! – пробурчал я себе под нос, немного поколебался и решил отправиться восвояси.

Хватит с меня этого праздника жизни. Повеселился и будет!

Наутро на институтской проходной меня перехватил Митя Жёлудь.

– Товарищ Линь, вас ожидают на военной кафедре! – объявил он официальным тоном, но сохранить серьёзного выражения лица не смог и расплылся в улыбке. – Петя, видел бы ты, как тебя перекорёжило!

– Чего надо? – хмуро бросил я.

– В двадцать пятый кабинет зайди, – ответил Митя.

– Прямо сейчас?

– Нет, блин, на следующей неделе! Я ж не просто так тебя тут битый час караулю!

– Ну ладно, – пожал я плечами, а уже на территории студ-

городка собрался с мыслями и уточнил: – Случилось чего?

В отличие от меня Митя форсил в одном пиджаке, он сунул руки в карманы брюк, поёжился и сказал:

– Тебе видней. Не меня на ковёр с утра пораньше вызывают.

Ну да – не его. И вовсе не Митя на приёме у заместителя комиссара промышленности вчера побывал, где куче высоких чинов на глаза попался. Ох, чую, влетит мне сейчас по первое число...

Но вопреки опасениям Георгий Иванович вот так сразу рычать не стал и даже удостоил рукопожатия.

– Ну, рассказывай! – потребовал он и закурил.

Вместо ответа я достал из портфеля и выложил на стол еженедельный отчёт. Майор Городец бегло проглядел его, один раз даже одобрительно кивнул, а затем удивлённо прищелкнул, вдавил папиросу в пепельницу и уточнил:

– Восемьдесят рублей на спирте заработал?

– И ещё до того четвертной, – напомнил я. – Это уже чистыми.

– Серьёзная сумма, – хмыкнул Георгий Иванович и хлопнул по столу. – Деньги на бочку! И доллары тоже выкладывай.

– Уверены? – засомневался я. – Если Джон узнает, что я их на рубли не обменял, возникнут вопросы.

Городец покачал головой.

– Наши заокеанские гости об этом точно не узнают. Да

и мало ли кому ты их сдать мог? А вот если сунешься с валютой в банк, об этом точно станет известно тем, кому знать этого определённо не стоит. У нас, чай, не столица – такие вещи отслеживаются в обязательном порядке.

Я пожал плечами, отсчитал сто пять рублей и добавил к ним стопочку двадцатидолларовых банкнот.

– Держите!

Георгий Иванович начал составлять расписку.

– Что ты смотришь? – усмехнулся он. – Ты хоть деньги и не под отчёт получал, а на оперативные надобности, лучше такими вот бумажками обложиться, чем потом коллегам свою правоту доказывать. Так?

Я кивнул.

– Так.

– Рассчитаться с иностранцами выданных средств тебе хватит, и ещё что-то около сотни сверху останется. Но если что – обращайся, добавлю, – предупредил Городец и предупредил: – Активных мер по вербовке этого Джона не принимай. Посмотрим сначала, что он за фрукт. – Городец хрустнул костяшками сцепленных пальцев и вдруг спросил: – Вечер как провёл?

По спине пробежал неприятный холодок, но я с показной беспечностью откинулся на спинку стула и заложил ногу за ногу.

– Замечательно провёл. Просто замечательно.

– Не высовываться не можешь, да?

– Неужто были жалобы?

Георгий Иванович покачал головой.

– Пока что лишь вопросы. Но хрен редьки не слаще: их ведь не только мне адресовали. Ты даже не представляешь, в какое количество оперативных разработок разом угодил!

Я покаянно вздохнул, и майор сменил гнев на милость.

– Ладно, – улыбнулся он, – я тебя не за этим позвал. Пора с твоим распределением определяться.

Меня так и подбросило.

– В смысле?! Я ещё только на третьем курсе!

– Ну а как ты хотел? Нормальных студентов по кафедрам на третьем курсе как раз и распределяют!

– Но я же на военной...

– Индивидуальный учебный план тебя не смущает, значит? – хмыкнул Георгий Иванович. – Ну хоть немножечко? Смущает? Так вот, Петя, перед тобой сейчас открыты решительно все дороги!

– Скажете тоже!

– Ну – почти, – поправился Городец. – В пределах разумного.

Я усилием воли задавил приступ нервозности и даже нашёл в себе силы пошутить:

– А что же Альберт Павлович от определения этих пределов самоустранился? Не похоже на него.

– Не в принципах Альберта брать в таких делах самоотвод, тут ты совершенно прав, – ухмыльнулся в прокуренные

усы майор Городец. – Но в этом конкретном случае он решил положиться на твой здравый смысл. Твоя жизнь, тебе её жить. Ты уже большой мальчик, через колено ломать не станем.

– Слушаю вас, Георгий Иванович.

Тот упёрся руками в край столешницы и с силой откинулся на спинку жалобно скрипнувшего кресла, помолчал миг, потом сказал:

– Есть мнение, что тебя стоит выдвинуть в исполняющие обязанности руководителя дисциплинарного комитета.

– Даже так? – удивился я. – Неожиданно!

– Ну а почему нет? – развёл руками Городец. – Неплохой трамплин для политической карьеры. Перескочишь через годик в Февральский союз, а то и сразу в горком к Стройновичу под крылышко, а там и до столичного уровня дорастёшь. Плохо разве?

О партийной карьере я никогда не задумывался, к тому же в голосе куратора послышались скептические нотки, вот и спросил:

– И какие тут подводные камни? Думаете, не справлюсь? Георгий Иванович пожал плечами.

– Ты как секретарь комитета чисто технической работой занимался, все принципиальные вопросы Стройнович решал, и он же острые углы сглаживал. А почему? Да просто он своему месту соответствовал. Аспирант с боевым опытом и обширными связями. Ты тоже не абы кто, но должность эта

для тебя на вырост. И поначалу без поддержки будет никак не обойтись, а значит, придётся брать на себя некие встречные обязательства. Долгов на тебя навешают – будь здоров! Не веришь?

– Почему не верю? – буркнул я, припомнив своё недавнее общение с проректором по воспитательной работе и его многозначительную улыбку. – Даже знаю кто. Вопрос лишь в том, так ли это плохо.

– Тебе решать, – хмыкнул Городец. – Дальше будешь слушать?

– Конечно!

– Особый дивизион, – коротко сказал куратор и замолчал, с интересом изучая выражение моего лица.

Я прикинул, как такое назначение сочетается с моими приоритетами, и расценил его вполне уместным, но всё же счёл нужным отметить:

– Командир разведывательно-диверсионной группы в чине старшего лейтенанта как вершина карьеры?

– До капитана рано или поздно дослужишься, – уверил меня Георгий Иванович. – И потом, откуда такая меркантильность? Пользу стране ты о-го-го какую принесёшь!

– Если такая необходимость возникнет, меня на это направление с любого другого в пять минут мобилизуют. Хотелось бы, раз уж есть такая возможность, и мирную профессию освоить. А то комиссуют по ранению и останусь у разбитого корыта.

Городец наставил на меня указательный палец.

– Вот! Слова не мальчика, но мужа!

Я вздохнул.

– Давайте! Выкладывайте, что напоследок приберегли!

– Если не интересна политическая карьера и нет желания поступить на военную службу, остаётся научная деятельность, – заявил Георгий Иванович и встопорщил усы в ироничной улыбке. – Ну что ты смотришь на меня? Сам же хотел с профессором Чеканом поработать! Или перехотел уже?

Вот так сразу переварить услышанное не удалось, и я заявил немного невпопад:

– Так Чекан же под домашним арестом до сих пор?

– Заточение в четырёх стенах не лучшим образом сказалось на состоянии здоровья профессора, его перевели в загородный санаторий. Туда же поместили ещё ряд научных работников, утомлённых непонятливостью студентов, придирками начальства и недостаточностью финансирования. Понимаешь, к чему я?

– Организовали исследовательский центр закрытого типа? – предположил я.

– Это лишь одно из направлений деятельности новой структуры, – отметил Городец. – Если всё пойдёт по плану, она возьмёт на себя все разработки секретного характера.

– И что это за структура, если не секрет?

– Научный дивизион.

– В отдельном научном корпусе есть научный дивизион? –

удивился я. – Никогда о таком не слышал.

– Его только формируют, – пояснил Георгий Иванович. – И предупреждая твой следующий вопрос: Звонарь в курсе и не возражает. В Службе реабилитации тебе самое большее должность младшего научного сотрудника светит. И то не сразу, а когда-нибудь потом.

Я кивнул и вдруг припомнил недавнюю громкую отставку главы контрольно-ревизионного дивизиона, которому аукнулась ведущая роль аналитиков в ликвидации неуловимого Гросса, присовокупил к этому слухи о серьёзных чистках в рядах контрразведки и осторожно уточнил:

– А сами вы?

Городец в ответ подмигнул.

– Ты меня сегодня просто радуешь, Пётр! Да, это новое направление мне чрезвычайно интересно, тут ты прав.

– И Альберту Павловичу тоже? – высказал я очередное предположение.

Именно обоснованное предположение, а не шальную догадку. Очень уж серьёзные трансформации претерпевал РИИФС – всё большую роль в жизни студентов и преподавателей начинали играть институтские организации Февральского союза молодёжи и объединённой соцпартии, а реформированная Служба охраны уже вполне могла претендовать на статус одного из дивизионов ОНКОР. Пёстрое и разношёрстное научное сообщество мало-помалу втискивали в некие жёсткие рамки, его контроль приобретал системный

характер, а это не могло не сказаться и на деятельности теневого ректората.

– И ему, – кивнул Городец. – Вообще, это была его идея. Создание научного дивизиона, я имею в виду.

– Даже так? И думаете, выстрелит?

– Поживём – увидим.

– А мне какой фронт работ нарежут?

– Ответственный, – неопределённо проворчал Георгий Иванович и хлопнул ладонью по столу. – Но выбор за тобой. Есть время подумать. С ответом я тебя не тороплю.

Голова шла кругом, вот только я вовсе не был уверен, что мне так уж нужен тайм-аут.

Политика – это замечательно, только перспективы в высшей степени туманны, а шансы на продвижение вверх по партийной линии, прямо скажем, не очень высоки. Я свои способности оцениваю трезво. Не моё это. Просто не моё.

Военная служба? Я готов был с оружием в руках защищать интересы республики, но посвящать этому всю свою жизнь и становиться кадровым военным откровенно не хотелось. О работе в контрольно-ревизионном или аналитическом дивизионе ещё бы подумал, а в особом – нет. Пожалуй, всё же нет.

Академические исследования меня, впрочем, тоже особо не привлекали, но Георгий Иванович заниматься ими и не предлагал. А то, что он предлагал, вполне укладывалось в мои приоритеты. Тут даже о выборе меньшего из зол го-

ворить не приходилось, поскольку иных направлений своего профессионального роста я пока попросту не видел.

Так стоит ли тогда тянуть резину?

– Займусь наукой! – решительно заявил я.

– Уверен?

– Да!

Георгий Иванович никак мой выбор комментировать не стал, откинулся на спинку кресла и сказал:

– Тогда с должности секретаря дисциплинарного комитета тебя завтра-послезавтра турнут. Скажешь – почему именно так? Давай! Прокачай ситуацию! Все исходные данные у тебя на руках!

Тут уж я с ответом торопиться не стал, встал со стула, прошёлся по кабинету.

– Вихрь попробует вернуть в студсовет то злополучное дело, Сева надавит на меня, я продолжу стоять на своём. Служба охраны предложит новую кандидатуру секретаря, руководство студсовета тремя голосами против одного её примет. Пока суд да дело, у оперчасти выйдут сроки, и они будут вынуждены рассмотреть вопрос о благонадёжности ревнивого аспиранта. В итоге его отправят в санаторий закрытого типа, и вроде как всё получится само собой.

– Молодец, – похвалил меня Городец. – но не зацикливайся на том случае, смотри шире.

– Вяз меня не сожрал, а Вихрь сможет. Вроде пустяк, но авторитета у него прибавится. Репутации Стройновича

такой манёвр тоже на пользу пойдёт, раз уж он меня в прошлый раз прикрыть сумел, а вот на президиуме студсовета это не лучшим образом скажется. На перевыборах кто-то из них при вашей посильной помощи точно отсеется. Ну и вы с Альбертом Павловичем своих людей в дисциплинарный комитет проведёте. Брак и Жёлудь там теперь будут, так?

– Так, – подтвердил Георгий Иванович. – Заслужили.

– Да я не спорю.

– И хорошо, что не споришь. – Куратор наставил на меня указательный палец. – Сессию не завали! В конце месяца твою группу планируют задействовать по линии особого дивизиона, так что времени на пересдачу может и не оказаться. В идеале все долги уже на следующей неделе закрыть.

Прозвучало это заявление столь обыденно, что я отнюдь не сразу осознал его смысл. Потом только уже встрепенулся.

– Задействовать – это как?

Георгий Иванович пожал плечами.

– Надо понимать, устроят аттестацию в боевых условиях. Подробностей не знаю, не мой профиль. Но аккуратней там.

– Ага, – кивнул я. – Буду.

И невольно передёрнул плечами. Невесть с чего стало не по себе.

Глава 4

В штаб корпуса вызвали в среду, двадцать второго числа. Ранним утром на квартиру появился вестовой и вручил повестку, согласно которой мне надлежало явиться на приём к начальнику особого дивизиона – подполковнику Дерябе.

Волей-неволей закралось подозрение, что благодаря кураторам в очередной раз угодил в жернова ведомственных интриг, отчасти успокоило лишь примечание «форма одежды парадная». Если б вызывали на ковёр, не до таких мелочей было. Наверное.

Волосы с момента последней подстрижки у меня отрасли ещё не успели, так что я наскоро избавился от щетины, облачился в форму и встал перед зеркалом, оглядел свои награды: знаки «За отличную службу» и «Защитник республики», медали «За храбрость», «За боевые заслуги» и «За отличие в охране общественного порядка».

Последней меня удостоили вроде как за участие в изобличении Резника, которое с подачи Эльвиры Генриховны и Эдуарда Лаврентьевича по всем отчётам проходило как ликвидация агентурной сети Гросса. Думал, Георгий Иванович запрёт её в сейф, но тот лишь похлопал меня по плечу.

– Носи! Официально тебя по совокупности заслуг наградили.

Но куда носить-то? Не в институт же! Сегодня первый раз при полном параде в свет выберусь.

На улице шёл дождь вперемешку с мокрым снегом, и после недолгих колебаний я уставной шинели предпочёл плащ. Пока добирался до штаб-квартиры ни разу об этом выборе не пожалел, а там, дабы не смущать неподобающим видом высокое начальство, сразу снял своё кожаное чудовище и оставил его в дежурке.

В приёмной подполковника я неожиданно для себя столкнулся со старшим лейтенантом Пономарём, который первое время руководил подготовкой нашей группы, и кое-что стало проясняться.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! – поприветствовал я наставника.

Тот протянул руку.

– Здравствуй, Пётр! Давно не виделись.

Я заметил бледность кожи, осунувшееся лицо и запавшие глаза, а ещё – две новых нашивки за ранение, сложил одно с другим и предположил:

– Вы никак из госпиталя?

– Фактически – из двух, – усмехнулся старший лейтенант. – В Окресте контузило, так меня для поправки здоровья на юг отправили, морским воздухом подышать.

– Жарко там было?

– Да уж не холодно.

Распахнулась дверь, из коридора в приёмную вошёл Гера-

сим Сутолока. Снял шапку, стряхнул с неё снежинки, поздоровался с нами. Он ещё только убирал на вешалку пальто, когда на столе коротко тренькнул телефонный аппарат.

– Проходите, вас ожидают! – объявил адъютант, вернув трубку на рычажки.

Я поборол совершенно иррациональную неуверенность, поднялся со своего места и двинулся вслед за старшими товарищами. Подполковник Деряба оказался высоким статным господином лет сорока – подтянутым и светловолосым, и был он мне совершенно точно знаком. На приёме у Врана поименовал меня прапорщиком именно начальник особого дивизиона.

При нашем появлении подполковник поднялся из-за стола и поздоровался за руку с Пономарём и Сутолокой, а меня покровительственно похлопал по плечу.

– Поздравляю с производством в офицеры, товарищ прапорщик! – сказал он после этого и усмехнулся. – Надеюсь, на сей раз обойдётся без разжалований.

– Служу республике, товарищ подполковник! – отозвался я.

Деряба ответил пристальным взглядом и спросил:

– Группа готова к выполнению боевого задания? – Он тут же выставил перед собой руку. – Отчёты я читал, интересуется твоё личное мнение. Готова группа к операции в тылу врага? Да или нет?

Что я мог на это ответить? Разумеется, коротко выдохнул:

– Готова!

Подполковник кивнул и обратился к Сутолоке.

– А ты что скажешь, Герасим?

– Обучение идёт с незначительным опережением графика, последние три месяца все тестовые задания сдавались на высший балл.

– И всё же: да или нет?

Герасим колебаться не стал.

– Да.

Начальник особого дивизиона вновь кивнул и объявил:

– Прапорщик Линь, с завтрашнего дня поступаешь в распоряжение старшего лейтенанта Пономаря. Сбор в семь утра на аэродроме при учебном центре. Документы в приёмной. Свободен!

Документов оказалось много. Не мало – так уж точно. Приказ о присвоении звания, о призыве на действующую военную службу и постановке на довольствие, распоряжение о назначении командиром разведгруппы в составе отдельной роты старшего лейтенанта Пономаря, разнарядка на форму и снаряжение, новое удостоверение. Не забыли даже подготовить справку для института, дабы меня не отчислили за прогулы, благо все зачёты и экзамены я уже сдал.

Службу реабилитации должны были уведомить в общем порядке, но одной только учёбой и работой на Звонаря мои обязательства отнюдь не ограничивались, поэтому, спустив-

шлись на первый этаж, я и позвонил из закреплённого на стене телефонного аппарата майору Городцу. Тот выслушал мой доклад и коротко приказал:

– Поднимайся!

Несмотря на немалый чин, Георгий Иванович секретарём не обзавёлся, да и комнатуха его размерами недалеко ушла от каморки уборщицы, ещё и располагалась в глухом закутке, а к двери были прикручены лишь медные цифры, таблички не имелось вовсе. У того же Эдуарда Лаврентьевича кабинет был не в пример просторней.

Вопреки моим ожиданиям, подробностями встречи с начальником особого дивизиона Городец интересоваться не стал, вместо этого выложил на стол отчёты по работе с заокеанскими соискателями и принялся вычерчивать на листе писчей бумаги какую-то сложную схему. Время от времени он уточнял отдельные детали, хмыкал и делал пометки, а потом кинул карандаш и нахмурился, встопоршив усы.

– Не вижу смысла форсировать работу с твоим контактом. Сдаётся мне, от нас только этого и ждут.

Я отнюдь не был так уж уверен в том, что Джон – подсадная утка, но оспаривать утверждение куратора не посчитал нужным. Тот выждал немного и вздохнул.

– Но в любом случае придётся на время твоего отсутствия вводить туда нового человека. – Городец постучал карандашом по столу. – Звонарь из меня всю душу вынет!

– А только на время моего отсутствия? – засомневался я. –

Не подозрительно будет?

– А какие ещё варианты есть? Тебя с этого дела вовсе снять? У меня категорическая нехватка людей, двух человек на том направлении я задействовать не могу.

Я задумчиво потёр подбородок.

– Присмотритесь к Василию Шумку.

– Это что за птица?

– Ассистент из третьей лаборатории. Он раньше в госпитале на Кордоне работал, всех там знает. Обрато с готовностью возьмут, и такой перевод ни у кого подозрений не вызовет. Правда, он в последнее время за воротник закладывать начал, но проблемой это пока ещё не стало. На новом-старом месте его быстренько образумят. А человек он компанейский, в футбол за медиков играл.

Георгий Иванович хмыкнул.

– Ладно, поручу его прощупать. Может, что и выгорит. А ты! – нацелил он на меня указательный палец. – Ты давай осторожней! Попусту не рискуй! Понял?

– Так точно! – отозвался я и конечно же не упустил возможности прояснить ситуацию. – А вы не в курсе операции?

– В подробности не посвящён, – со вздохом признал Городец. – Да и планы зачастую на ходу перекраивают в зависимости от оперативной обстановки, не говоря уже о том, что у нас правая рука не знает, что делает левая. Пока, насколько понимаю, готовится некая разовая акция. Перебросят вас в столицу, задачу будет ставить Василий Дичок. Он

в большие чины выбился, пустяками не занимается – так что ты там уж не оплошай.

Заявление куратора об отправке в столицу несказанно удивило, поскольку я полагал, что действовать нам придётся в окрестностях источника-девять, но говорить об этом не стал и лишь кивнул.

– Ни пуха ни пера! – напутствовал меня Городец.

– К чёрту!

Покинув штаб-квартиру корпуса, я посетил расположенный по соседству складской комплекс, получил причитающееся мне обмундирование и с закинутым на плечо вещмешком поехал в институт. В сквере перед главным корпусом застал необычное для столь прохладной погоды столпотворение – шёл какой-то митинг, доносились отголоски призывов к солидарности с кем-то и борьбе с чем-то, но я прислушиваться не стал и взбежал на крыльцо. Там курил знакомый вахтёр, вот у него и спросил:

– Чего тут у вас опять?

Дядька выставил перед собой указательный палец, призывая меня подождать, затем достал сунутую в карман пиджака газету, сдвинул папиросу в уголок рта и прочитал:

– Передовая общественность Суомландии объявила о создании правительства национального спасения. О как! – Он свернул газету и сунул её обратно. – Наши, стал быть, их признали, а молодые да активные требуют всемерную под-

держку оказать.

– Дела! – присвистнул я и зашёл на проходную.

Сходил на военную кафедру и сдал в канцелярию полученную в штабе справку, а только вышел и сразу наткнулся на Антона Пуха.

– Петя, привет! – вцепился в мой рукав рыжий студент. – Слушай, тут такое дело: у меня на кафедре сложности с подписанием документов по отсрочке возникли, есть какая-то возможность заседание дисциплинарного комитета на следующий месяц перенести?

Я пожал плечами.

– Да есть, наверное. Только это не ко мне вопрос. Меня уж неделю как с поста секретаря попросили.

Антон враз скис.

– И как же быть? – жалобно спросил он. – Кто там теперь вместо тебя? Получится договориться?

– Дерзай! – приободрил я его. – Но тут я тебе не помощник. Отношения, знаешь ли, с президиумом студсовета не те. Полезу – только хуже сделаю.

Я похлопал собеседника по плечу и зашагал прочь. Что он сумеет договориться с Митей или Сергеем, я нисколько не опасался: сразу предупредил их на сей счёт. Да и этой парочке сейчас не до резких телодвижений. К ним пока ещё решительно все в студсовете присматриваются, за каждым их действием следят.

Куда пошёл? Не домой, понятное дело. Сборы много вре-

мении не займут, а одному в комнате киснуть радости мало, так что заглянул к Инге. С принарядившейся Маринкой разминулся уже в прихожей – она сделала мне ручкой и убежала, ну а мы с Ингой сели пить чай да так и просидели до самого вечера.

Мне б её в койку напоследок перед вылетом затащить, да настроение не то. У неё – такое впечатление, тоже. А поговорили душевно. Хорошо посидели.

Вот только дальше меня ждала пустая комната и холодная постель, я поколебался немного и предложил:

– Может, ко мне?

Инга ответила задумчивым взглядом, потом кивнула.

– Подожди, я сейчас.

Сомнения навалились, уже когда поднимался с барышней по скрипевшей разохшимися ступенями лестнице к себе на верхний этаж. Нет, ни к бывшей однокласснице, ни даже к предстоящему вылету они не имели ни малейшего касательства, дело было в деньгах. Точнее – в валюте. Той самой пачке марок, франков и фунтов, от которой после ликвидации функционера Лиги Наций приказал избавиться Альберт Павлович и которую я припрятал в тайнике.

Никаких особенных планов на неё не имелось, просто отложил на чёрный день, но сейчас засомневался, стоило ли нарушать прямой приказ куратора. Альберт Павлович точно ведь неспроста велел спалить деньги, да и Георгий Иванович о контроле обменных операций тоже не ради красного слов-

ца упомянул.

А ну как я засвечусь и по этой ниточке на нас выйдут? Дело о бесследном исчезновении иностранного гражданина точно ещё не закрыто!

И что делать? Сжечь от греха подальше или взять с собой, раз уж летим в столицу, а там обмен валюты – дело обычное? Вопрос.

На аэродром при учебном центре ОНКОР я приехал за час до назначенного времени, без лишней суеты получил закреплённое за группой оружие, после чего проверил его и проконтролировал, как автоматы, пулемёт, винтовку и пистолеты разложили по деревянным ящикам, а те опечатали и погрузили на тележку со снаряжением отдельной роты особого дивизиона.

Пономарь представил меня своему заместителю и убежал, у лейтенанта тоже нашлись неотложные дела, так что я оказался предоставлен самому себе. И пусть впереди у нас был более чем суточный перелёт, впустую терять время я не стал и отправился проводить инструктаж.

– С повышением, Пётр Сергеевич! – поздравил меня Унтер.

– И вас, Андрей Мартынович! – улыбнулся я в ответ.

По результатам обучения Унтера произвели в старшины ОНКОР, Глеб Клич стал сержантом, а Ваня и Алик – ефрейторами. Все они были в новенькой форме, на которой ар-

мейские погоны соседствовали с нашивками корпуса, и было видно, что такое сочетание для них внове.

Иван Кол даже не сразу с моим чином определился.

– Товарищ поручик! – обрадованно выдал он, сосчитав звёзды. – А мы тоже... тогось...

– Вижу-вижу. – Я похлопал в ладоши. – Ладно, а теперь к делу...

Знал я не так уж и много, поэтому описал ситуацию в двух словах, и если Унтер воспринял вылет на боевое задание как должное, а Ваня с Аликом большую часть моей речи пропустили мимо ушей, замороженные словом «столица», то Глеб не на шутку разволновался.

– Это что же – всё всерьёз? – спросил он, потирая шрам на щеке.

– Да уж хватит в бирюльки играть! – хохотнул Унтер и пихнул его кулаком в бок. – Ты не переживай! Бог не выдаст, свинья не съест!

Мы двинулись от ангаров на лётное поле, там в темени и хмари зимнего утра заканчивалась предполётная подготовка двух дирижаблей ОНКОР. Один предназначался для перевозки нашей роты, во второй грузились сотрудники аналитического дивизиона – это я понял, заметив среди них Эльвиру Хариус. А ещё на глаза попался Лев.

Я помахал бывшему однокласснику рукой, но тот оказался слишком занят и приветствия не заметил. К тому же меня почти сразу отвлекли.

– Петя, и ты тут? – вынырнул вдруг из темноты Карл. – Вот так номер!

У меня от изумления чуть глаза на лоб не полезли.

– Какими судьбами?

Карл немного даже смутился.

– Да ты понимаешь, меня в столицу для прохождения преддипломной практики отправили. Вот и пристроили на попутный борт.

– Ну ничего себе! – восхитился я. – Поздравляю!

– Да с чем? – буркнул в ответ здоровяк. – Век бы эту столицу не видеть!

– Чего это? Радоваться надо!

– Радоваться! – мрачно изрёк Карл. – Чему радоваться-то?

Ты же в курсе насчёт Маринки?

– Чего именно?

– Петя, хватит уже! – набычился здоровяк. – Мы с ней встречаемся, а её папа – заместитель начальника СЭЗ! Сток одному меня не просто так в столицу отправили!

Я фыркнул.

– Ну хочет он на тебя посмотреть, и что с того? Если у вас с Маринкой всё серьёзно, то тебе с ним рано или поздно в любом случае повстречаться придётся!

Карл зябко передёрнул плечами.

– Да ты знаешь...

– Не-е-ет, – издевательски протянул я, торопя замолчавшего приятеля. – Не знаю пока!

– Маринка, когда в комендатуре служила, с одним кур-сантом сдружилась, так её отец чуть шею тому не свернул. Не выбирая выражений, велел подальше от дочери держаться. Без малого до рукоприкладства не дошло!

Я озадаченно хмыкнул.

– Это она тебе рассказала?

Карл с ответом торопиться не стал, подышал на озябшие ладони паром и только после этого нехотя произнёс:

– Нет, Митя Жёлудь.

– Тю-ю-ю! Ну ты нашёл, кого слушать! – фыркнул я. – Митя – тот ещё балабол! Научный факт, Карл! Научный факт!

– Ну ты уж совсем меня дурнее паровоза не считай! – оби-делся здоровяк. – Я потом пролетариев наших расспросил, они подтвердили. И сейчас Макс то же самое сказал. Там вы-яснение отношений прилюдное было.

– Аргумент, – признал я и нахмурился, припомнив свой давнишний разговор с Маринкой. Если с Антоном всё так и было, то, может, Василий Архипович и вправду ей в своё время от меня подальше держаться велел? Тогда опасения Карла отнюдь не беспочвенны. Как ни крути, образ действий вполне определённый вырисовывается.

Но тут до меня дошёл смысл слов товарища, и я резко вскинулся.

– погоди! Что значит: сейчас? Макс тоже где-то здесь?

– Ну да! Ему вчера перевод в Пограничный корпус оконча-тельно согласовали, на одном дирижабле полетим!

И точно: когда прозвучала команда строиться и началась перекличка, в конце строя обнаружился и Максим Бондарь. Помимо него и Карла, к бойцам отдельной роты присоединилось несколько молодых людей в форме военврачей, но никого из них я не знал даже шапочно: не иначе это были кадровые сотрудники медицинского дивизиона, а не старшекурсники или мобилизованные работники горбольницы.

Дальше началась погрузка в дирижабль снаряжения, тогда-то к причальной мачте и подкатил легковой вездеход. Выбравшийся с пассажирского места Герасим Сутолока поздоровался с моими подчинёнными и предложил отойти в сторону.

– Ну ты как? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Да нормально.

– Волнуешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.